

ЭНЦО БЪЯНКИ

*Молитвенное чтение
СВЯЩЕННОГО
ПИСАНИЯ
Молитва Слову*

ББК 86.37

ENZO BIANCHI
della Comunità di Bose

PREGARE LA PAROLA
Introduzione alla "lectio Divina"

Перевод с итальянского
Ю. А. Гинзбург

ISBN 5-86748-023-2
© Текст, Piero Gribaudi Editore, 1974 и 1990
© Перевод, Гинзбург Ю. А., 1994
© Путь

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА DE IVERBUM.....6

МОЛИТВЕННОЕ ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ЧТЕНИЯ.....7

1. Понятие о Слове Божием сегодня.....7
2. Слово Божие.....15
3. Литургия Слова.....18
4. От литургии Слова к молитвенному чтению.....21
5. Воспитание в молитвенном чтении.....24
 - А. Просите Духа Святого, будет дан вам.....26
 - Б. Ищите в чтении, найдете с медитацией.....30
 - В. Стучитесь в молитву, войдете в Слово.....40

Заключение.....46

Примечания.....48

МОЛИТВА СЛОВУ

Руководство к молитвенному чтению Священного Писания.....54

1. Проси Духа Святого.....54
2. Возьми Библию, читай.....54
3. Ищи через медитацию.....54
4. Молись Господу, Который говорит с тобой.....55
5. Созерцай... созерцай.....
6. Сохрани Слово в сердце своем.....
7. Не забывай, что слушать — значит повиноваться.....56

ПРИЛОЖЕНИЕ

Советы в помощь «молитве слову»: два письма

1. Письмо брата Энцо, настоятеля общины Иосиф, • брату Джовани.....5

1. Молитвенное чтение — опыт Израильской Церкви.....
2. Место для молитвенного чтения.....60
3. Час тишины: Господь говорит.....61
4. Сердце мудрое и разумное.....62

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«В начале было Слово, и Слово
было у Бога, и Слово было Бог»
(Ин 1:1)*

Как научиться читать Священное Писание и жить по Нему? Этот вопрос ставит в своей книге преподобный Энцо Бьянки, и на него он пытается дать здесь свой ответ. Вопрос не новый. Не одно поколение христиан задавалось этим вопросом, и не одно поколение христиан искало на него ответ. В XX веке, а точнее в конце его, на пороге третьего тысячелетия Пришествия в мир Спасителя, этот вопрос приобретает особую актуальность, потому что Церковь Христова, как на Востоке, так и на Западе, прошла через ужасные испытания, и среди этих испытаний самым, пожалуй, тяжелым является испытание секуляризацией. Сказать секуляризованному читателю в доступных для него понятиях, что есть Слово Божие, как Его прочитать, как Его воспринять и как затем жить этим Словом — эта задача поставлена автором данной книги, которая адресуется прежде всего западному читателю. Но думается, что и читатель на Востоке, читатель, принадлежащий к Православной Церкви, не останется равнодушным к этому произведению, ибо автор говорит в нем о возвращении к традиционному чтению и восприятию Священного Писания через святоотеческую традицию, через громадный духовный опыт монашества, опыт, накопленный Церковью Христовой за две тысячи лет ее земного бытия. Книга эта учит благоговейному отношению к Слову, — прежде всего она учит такому отношению проповедника, на котором лежит сугубая ответственность за души пасомых, которые внимают его словам, толкующим глаголы вечной жизни. Автор напоминает нам о двух, я бы сказал, классических условиях добросовестного восприятия Слова Божия, условиях, которые были даны еще в Ветхом Завете. Первое условие, о котором автор страстно говорит на протяжении многих страниц этой книги, заключено в словах псалмопевца: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». (Пс 50:12) Второе условие, предлагаемое преподобным Энцо Бьянки, заключено в хорошо известных библейских словах: «В злохудожную душу не внидет Премудрость Божия». Чистота душевная вкупе с чистотой сердечной — вот второе неперемненное условие, по мысли автора, необходимое для восприятия Слова Божия. Несмотря на то, что книга написана в конце нашего столетия писателем и бо-

гословом, принадлежащем к Римско-Католической Церкви, — книга, уверен, будет понята и будет прочувствована православным читателем, ибо говорит о традициях чтения и восприятия Священного Писания единой неразделенной Церкви того периода, когда тысячу лет мы были вместе.

Не все в этой книге воспримет православное сознание, но в одном я уверен: благочестивый читатель не останется равнодушным к той страсти, к тому духовному подъему, с каким написана эта книга, книга о Слове с большой буквы, о молитве Слову, вся проникнутая этим благоговейнейшим молитвенным отношением к Священному Писанию — Слову Божию, Которое есть Альфа и Омега нашего христианского бытия.

Завершая это вступительное слово, не могу не сказать несколько слов и об авторе. Энцо Бьянки — выдающийся современный богослов, широко известный на Западе, большой знаток Православия, популяризатор, в самом хорошем смысле этого слова, русского православия в Италии; издатель многих русских богословских трудов, среди которых хочу особо отметить издание на итальянском языке всех творений преподобного Нила Сорского, предпринятое к 1000-летию Крещения Руси с трогательным посвящением: «инокам Загорска от общины Бозе», а также многих книг о русских православных святых на итальянском и других европейских языках, и наконец, — самое главное, — создатель монастырской общины в Бозе на севере Италии, максимально приближенной в своей жизни к первохристианским временам. Большой современный западный духовный писатель, к сожалению, по сей день не известен (или почти неизвестен) христианам России, хотя его хорошо знают православные других стран и наша российская диаспора.

Известный современный иерарх Русской Православной Церкви митрополит Антоний Сурожский, духовный писатель и выдающийся проповедник, хорошо знаком с Энцо Бьянки, с созданной им обителью, высоко ценит и понимает стремление этого служителя Церкви Христовой и его последователей вернуться к нашим общим корням, к единой неразделенной Церкви. Автор вместе с основанной им монашеской общиной не только молится Слову, но и живет этим Словом и желает, чтобы их внутренний опыт этой молитвы, этого погружения в Слово Божие, стал бы известен и доступен нам.

Именно поэтому я хотел бы надеяться, что знакомство с первым произведением Энцо Бьянки, переведенным на русский язык, принесет читателям пользу духовную.

Архимандрит Иосиф (Пустоутов)

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА *DEI VERBUM*

*«Слово молчания
Слово слов,
Слово, ставшее плотью,
Ты одно, Слово!»*

Церковь всегда почитала Священное Писание так же, как и само Тело Христово, и особенно при Божественной литургии никогда не оставляла заботы о том, чтобы питаться хлебом жизни со стола как Слова Божия, так и тела Христова, и оделять им верных. Церковь всегда полагала и полагает божественное Писание наряду с Преданием высшим законом своей веры: богодухновенное и данное однажды и навеки, оно неизменно несет Слово Божие и помогает расслышать в словах пророков и апостолов глас Святого Духа. И потому необходимо, чтобы церковная проповедь, как и сама христианская религия, питалась и направлялась Священным Писанием. В священных книгах Отец наш, сущий на небесах, благосклонно нисходит чадам Своим и беседует с ними; в Слове Божиим заключена такая действенность и мощь, что оно служит поддержкой и укреплением Церкви, а для чад ее—утверждением в вере, пищей души, чистым и неиссякаемым источником духовной жизни. И потому следует относить прежде всего к Священному Писанию сказанное: «Слово Божие живо и действенно» (Евр 4:12), может «назидать вас все более и дать вам наследие со всеми освященными» (Деян 20:32; ср. 1 Фес 2:13). (...) (Все верные, и прежде всего монашествующие) часто приобщаются к священным текстам, либо через священную литургию, наполненную божественными словами, либо посредством благочестивого чтения, либо с помощью направленных на эти цели начинаний и разных пособий, которые с одобрения церковных пастырей и под их наблюдением сегодня благотворительно распространяются повсюду. Однако следует помнить, что чтение Священного Писания должно сопровождаться молитвой, чтобы могла совершиться беседа Бога с человеком: ибо «когда молимся, говорим с Ним; Его слушаем, когда читаем божественные письмена».

(Dei verbum 21,25)

МОЛИТВЕННОЕ ЧТЕНИЕ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

1. Понятие о Слове Божием сегодня

Слово Божие после многовекового изгнания вновь заняло подающее ему центральное место в жизни Церкви; это неоспоримая истина. В сущности, можно говорить об обретении заново Слова Божия верующими, которые на протяжении столетий не знали Писания, не вступали с ним в непосредственное общение и не имели возможности соприкоснуться со Словом Божиим в своей религиозной жизни. Церковь, правда, всегда жила Словом Божиим; но хотя пользование им и обращение к нему священнослужителей и ученых было узаконено, на деле сложилась такая ситуация, при которой важность Слова затемнялась целой стеной посредников — богословских систем и правил церковной дисциплины, становившихся между сознанием верующих и Священным Писанием, которое одно, строго говоря, знаменует начало и конец церковной жизни.

Второй Ватиканский Собор, которому предшествовали и который подготовили литургическое, библейское и экуменическое движения, на деле (и, быть может, в большей степени, чем того желали и предвидели отцы Собора) освободил Слово и положил конец изгнанию Священного Писания, так что ныне мы присутствуем при явлении Слова Божия христианской общине. Нам следует прежде всего возрадоваться этому и возблагодарить Господа нашего за то, что Он призвал нас и обратил к Слову Своему. Я все больше убеждаюсь, что из всех решений Собора самым провидческим было именно это возвращение Слова народу Божию. Снова став средоточием церковной жизни, Слово дает постоянный толчок надолго затихшему было процессу: суду Божию над историей, над жизнью и над самой Церковью как паломницей, осуществляющей христианское общение и святых, и грешников на пути к Царству. Слово обретено вновь как нечто живое, динамичное, действенное, способное питать веру, давать жизнь и судить о том, что значит быть христианами в истории и в человеческом обществе; кроме того, Слово неустанно проповедуется в собраниях верующих, оно —

предмет чтения, молитвенных размышлений, молитв отдельных людей и христианских общин.

Тем не менее не следует умалчивать о той озабоченности, которую до сих пор вызывает определенное представление о Писании, — представление неполное и неверное и зачастую угрожающее главенству Слова, его центральному положению и его духовной плодотворности в Церкви.

Озабоченность возникает, во-первых, от того, как многие священники и верующие принимают новые сборники религиозных текстов на праздники и на будни, составленные, следует отметить (особенно это касается праздничного), умно и искусно. Бурно развивается издание книг и пособий, ставящих своей целью помощь священникам и верующим в постижении Слова; но готовность прибегать к этим изданиям, несомненно повышенная и чрезмерная, вызывает тревогу. Прежде всего, такого рода публикации вызывают у отдельного человека и у целой общины пассивность по отношению к Писанию, словно избавляют проповедника и слушателя от личных усилий, так что можно сказать, что нынешнее распространение печатных пособий и руководств, содержащих готовые гомилии и молитвенные чтения Писания, таит в себе опасность парадоксального результата: это может разрушить прямое соприкосновение с Библией, освобождая, в сущности, от собственных занятий, от трудных, разумеется, но необходимых попыток вникать в смысл самому, и главное — от молитвенного общения с текстом. Как может сочинение, возможно, написанное более или менее наспех неким ученым экзегетом или теологом, едва попав на язык проповедникам, которым в сущности должно быть стыдно произносить слова, не продуманные, не прочувствованные, не вымолвленные ими самими, стать словом жизни и пищей для разных людей, для находящихся в разных обстоятельствах местных церквей? А потом мы жалуемся, что слово Божие сегодня уже не трогает собравшихся и словно отскакивает от непробиваемых стен и перегородаков! Но разве *это* — действенное Слово Божие, возвещаемое проповедником, свидетелем верным, чистосердечным, не боящимся трудностей, которые в этом Слове заключены?

Проповедник Слова должен чаще и осознаннее вспоминать, какими именами наделяет его Писание: он выступает там как «служитель Слова» (Лк 1:2), «служитель и свидетель того, что ты видел и что Я открою тебе» (Деян 26:16), «служитель Христов и домостроитель тайн Божиих» (1 Кор 4:1) и прежде всего как пребывающий «в служении Слова» (Деян 6:1-4). Это означает, что он не мо-

жет читать Слово второпях и тем более выуживать его из какого-нибудь пособия для проповедников, чтобы оно затем прозвучало со всяческими интеллектуальными, психологическими и социологическими прикрасами. Он должен сначала долго читать его и благоговейно над ним размышлять, должен обращать его в молитву, так чтобы оно подчинило, поработило его себе. Если верно, как говорит апостол Петр (2 Пет 2:19), что кто кем побежден, тот тому и раб, то проповедник должен быть прежде всего рабом Слова: только так он сможет стать его свободным, отчетливым, бодрым эхом. Он будет возвещать Слово, повторять его, стараясь избежать искажений, и попытается стать посредником, чтобы помочь слушателям понять смысл текста, помещая его в общебиблейский контекст и тем самым толкуя Библию с помощью Библии.

Он отвергнет грозящий церковнослужителям соблазн думать: «Тебе, которому Писание ничего не говорит, скажу я», — и ограничится тем, что будет сам свидетельствовать о вере, — не стыдясь, призывая слушателей отказаться от пассивного отношения к тексту и приглашая их вникать в Слово и самостоятельно думать о том, как претворять и воплощать его в их повседневной жизни. Я верю, что и сегодня не утратили своей убедительности обращенные к христианам слова святого Амвросия: «Почему вы не посвящаете своего досуга чтению Писания? Не беседуете с Христом? Не навещаете, не слушаете его?... Мы слушаем Христа, читая Писание¹».

Другого рода озабоченность возникает из-за того, как занимаются Писанием в так называемых малых церковных группах и в других объединениях прихожан, стремящихся приблизиться к Слову Божию. Там чтению — которое должно было бы стать средоточием духовной жизни, притягивающим к себе все большее число людей, и которое зачастую проводится не в форме, принятой в Церкви, а в форме диалога — недостает глубины восприятия и опять-таки личных усилий в постижении Слова. Тяга к «актуализации» достигает крайней степени, и подход к Писанию становится опасно узким из-за того, что развивается привычка выбирать из Библии страницы на животрепещущие для данной группы темы. Мир, социальная справедливость, насилие и ненасилие, брак, свобода и права человека кажутся предметами столь злободневными, что оправдывают «выборки» из Слова, а иной смысл, в нем содержащийся, не находит внимания и остается в тени.

Еще Иоанн Златоуст, столкнувшись с таким подходом к Слову Божию, счел нужным высказать суровые слова: «Постигшее нас

охлаждение веры проистекает от того, что мы не читаем Писания во всей его полноте и выбираем из него то, что кажется нам более ясным и полезным, не обращая внимания на остальное. И сами ереси распространяются таким путем — когда не желают читать Писание целиком и полагают, что есть в нем места важные и места второстепенные³».

Подобное чтение, «выхватывающее» отдельные места, ведет к пристрастному восприятию Слова и к идеологизированному и мирскому толкованию Писания. Отныне уже не Слово Божие освещает знамения времени, яснее проступающие благодаря ему в сознании верующих, а идеология направляет Евангелие в определенную сторону и называет «знамением времени» всякое историческое событие, притязаящее на то, чтобы наполнить Слово злободневным содержанием. Более того, столь неуважительно прочитанное Слово Божие не может выявлять таких знамений времени, проблем и суждений, которые не были бы уже известны верующему из других источников. Так к тем, кто берется вычитывать предполагаемые знамения времени, уже определенные, заранее отобранные и истолкованные с помощью идеологической системы — социологической или психологической — возвращается древнее искушение *прорицателей*.

Слишком слабы, как кажется, усилия претворить Слово Божие в молитву. Молитва зачастую исчезает, уступая место анализу. Подобное чтение рискует так и остаться интеллектуальным и социологическим, не имеющим той действенной силы, какой обладают обращение и возрастание духа во Христе. Нельзя прибегать в дискуссиях к слову Божию, особенно к известным этическим текстам Евангелия, к «коллажам» из библейских стихов, которые хорошо звучат потому, что воспринимаются как лозунговая и броская литература, но не составляют целостного чтения и не дают возможности последовательного, стройного толкования слов Господа.

Существует озабоченность и в связи с другим способом чтения, основанном на так называемой «медитации». Этот метод, применяемый чаще всего при определенном — монашеском — образе Жизни, когда к Писанию обращаются ежедневно, уделяет очень мало внимания молитвенному чтению (*lectioni divinae*), за которым I гоит богатейшая традиция, отметившая своей печатью молитвенную жизнь первых пятнадцати веков Церкви. В «медитации» — в Обычном ее понимании, несколько искажающем представления Пойолы, — слишком много рассудочности и в особенности психологична. Свойственное ей стремление к упорядоченности и мето-

дологической изощренности в соединении с очевидными волюнтаристскими тенденциями делают из верующего не созерцателя, но «упражняющегося». Однако этот метод широко распространен в монашеских общинах¹.

К тому же он слишком часто приводит к духовным упражнениям, имеющим своей целью такие мысли, которые могут пробуждать чувственность в уме и сердце — всяческие «излияния», «восторженные поклонения», различные по накалу. У подобной медитации, свойственной «новому благочестию», есть большой недостаток: она антропоцентрична и эгоцентрична. Она направлена исключительно внутрь души и стремится к владычеству над движениями сердца. Будем осторожны! Эгоцентрическая духовность сегодня как бы стала припевом, «украшением» метода, но она по-прежнему загоняет нас в себя, а не освобождает: вчера это были «движения сердца», сегодня пользуются такими выражениями, как «психогигиена», «изначальное душевное равновесие», «самоочищение». Но христианин держится подальше от такого рода медитации, которая не имеет ничего общего с подлинной медитацией, неизменно теоцентричной или христоцентричной, и никогда не сосредотачивается на себе самом.

Истинно христианская медитация не главным образом служит тому, чтобы «приносить пользу». Если это случается, то как бы сверх желаемого, но направлена она к единственной цели: укрепить общение с Богом. Она вступает в такое общение, освобождая чувства, спускаясь в глубины сердца в поисках единства, источника бытия и действия в отношениях с Другим, Который устраивает и просвещает нас так, чтобы мы искали общения с Ним. Христианин не может вглядываться в самого себя вместо того, чтобы не сводить глаз с Бога!

Более того, сегодня понятие и сам термин «молитвенное чтение» по большей части остаются неизвестными в религиозной жизни, их бытование ограничено собственно монашескими орденами бенедиктинцев и цистерцианцев; бенедиктинский устав⁴, желающий превратить монашескую общину в «школу молитвенного служения», гласит, что предаваться медитации — значит читать и перечитывать, повторять и шептать, обдумывать про себя и произносить вслух, закреплять в уме и хранить в сердце Слово, чтобы придти не к прениям, не к чувствам, но к молитве, к созерцанию и от него — к действию Божию. Молитвенное чтение — достояние не одних только монахов; и в обычной религиозной жизни оно не должно рассматриваться как нечто чуждое ее собственным традици-

ям, создающее проблему «сосуществования» с другими надлежащими формами молитвы и благочестия (евхаристическим общением, медитацией, умной молитвой и т. д.). В действительности молитвенное чтение, имеющее своим предметом Писание, а не какой-нибудь святоотеческий или иной духовный текст, побуждает признать центральное положение Слова в религиозной жизни, его господство над бытием верующего, его канонические права источника всякой христианской молитвы, и тем самым реально способствует необходимому обновлению религиозной жизни. Зачастую религиозная жизнь, лишенная мотивации и содержания, зато погрязшая во множестве забот и дел, может обрести в молитвенном чтении Писания прекрасную возможность вернуться к своей сути, к своей христологической основе, к поискам Бога — своему началу и смыслу.

Наконец, не будем забывать, что там, где не полагаются на Библию или не прибегают к ней постоянно, где к молитвенному чтению не относятся как к делу обязательному и серьезному, — там возникают различные формы чувствительного благочестия, бесплодность богословской мысли, погруженной в рассудочные спекуляции, сдвиг интереса и внимания к вторичным и маловажным сторонам христианской Вести, утверждение индивидуализма и утрата чувства общности с другими, жажда нововведений любой ценой, иссякание жизненных соков традиции и культ предполагаемых знамений времени.

Люди, занимающее видное положение в Церкви, если они не воспитаны на молитвенном чтении, проявляют себя затем в проповеднической, наставнической и пастырской деятельности как люди книжного, литературного склада, неуверенные в себе, скорее сомневающиеся, неспособные произнести слово «как власть имеющие», а привыкшие говорить как книжники и фарисеи (Мф 7:28-29), зачастую стыдящиеся Евангелия, которое возвещают (ср. Рим 1:16; 1 Кор 3:12; 4:2). Только услышанное, воспринятое, сохраненное и обдуманное Слово может творить пророков, способных децим, освобождающий, провидческий выбор, может творить людей, мчорые, оставаясь верны земле и человечеству, говорят нам о bin c!

Имея в виду эти поводы для озабоченности, я решился предложить кое-какие соображения относительно молитвенного чтения Писания.

II,1 чем они основаны? Прежде всего, на долгой церковной Грпдшши молитвенного чтения на Западе и на Востоке, в особен-

ности на святоотеческой традиции, затем — на применении этого метода в опыте той общины, где я живу, и, наконец, на нынешнем положении верующего, которое также не может не отражаться на подходе к Слову.

Сегодня нам, несомненно, легче прибегать к медитации в святоотеческом понимании, поскольку современная психология и психология библейская отчасти сходятся. Сегодня уже известно, что человек — это не душа и тело в дуалистическом смысле, равно как и то, что человек в целом есть существо не завершенное, но «становящееся», наделенное не духом как внутренним пространством, но жизнью, помещенной в историю.

Жизнь человека — история; это значит, что человек обусловлен другими людьми и жизнью общества, что он определяется своими поступками и взаимоотношениями с миром. И посему духовная жизнь, в нашем случае медитация, есть не погружение внутрь себя и не восхождение отдельной личности к высотам, но паломничество к Богу, совершаемое в мире. И, следовательно, медитации должно предаваться для других людей и вовлекая в нее других людей.

Мы уже говорили, что чтение Библии должно быть живым; следует искать смысл слов, пытаясь понять, как Писание ныне судит об истории, о Церкви, о нас. Слово есть сила Божия (ср. Рим 1:16), и оно судит любые сегодняшние обстоятельства.

Так как же мне подходить к Библии, чтобы услышать не только отзвуки былого, того времени, когда она была написана, но и живое слово, обращенное к моему сегодняшнему дню?

Бог говорил в определенный момент истории, в определенном месте, в условиях определенной культуры. Как же мне проникнуть в тайну связи между Откровением и историей? Достаточно напомнить здесь о нескольких соображениях, поясняющих, как следует подходить к тексту.

Не будем забывать, что Откровение совершилось через историю. Оно содержит сообщение, основанное на событиях политической, экономической, частной жизни, и стремится передавать не догматические истины, но рассказ и свидетельство о делах Бога, о Божиих деяниях «нас ради человек».

Это Откровение есть чтение исторического события (ср., напр., Исх 12:37 и Лк 24:2-3), по поводу которого община и пророк, в вере и Духе, предаются молитвенному размышлению, угадывая вмешательство Божие, которое затем становится основанием для хвалы Ему в молитве (ср. Исх 15:1 и слл. и Лк 24:34).

Откровение, к которому мы прикасаемся в Библии, рождается в процессе, схожем с процессом молитвенного чтения: чтение (о событии), медитация (над событием), молитва (за событие), — становясь вечным свидетельством Библии, воплощенным в некоем языке, в историческом слове. Мы должны это сознавать. И поэтому следует помнить о том, что язык Писания и наш сегодняшний язык требуют взаимоопосредования и что существует дистанция между преходящей оболочкой сообщения и заключенным в нем вечным Откровением. Но этого окажется недостаточно, если мы не примем во внимание того обстоятельства, что слово не только исторично, но и имеет свою историю.

Речь Бога к человеку разворачивается во времени. Это не та речь, которую отличает количественное приращение истины, это постепенное освоение и прояснение истины, заключенной в изначальном озарении. Нужно постоянно возвращаться к этой глубинной логике, к этой речи Бога. Совершая такое действие, которое требует также определенной методологии чтения, каждый верующий, исходя, разумеется, из собственных возможностей и пользуясь своими средствами, должен как минимум не упускать из виду историческое чтение, задача которого — определить как обстановку, в которой родилась конкретная библейская страница, так и вопрошания и нужды веры, на которые она стремилась ответить, а также и ситуацию, предлагавшуюся на ее суд. Сразу же после этого можно попытаться приступить к чтению целостному, доксологическому, то есть стремящемуся расположить сообщение, явившееся из исторического чтения, во всеохватывающем замысле Божи-**ем**, во всей истории спасения, рядом со всеми другими откровениями.

Итак, я постараюсь представить некую обновленную форму молитвенного чтения и объяснить подробнее его метод; я не хотел бы, чтобы этот метод стал непреложным и застывшим, так как \ | н-л<ден, что способы слушать и молиться для всех различны и что | .окдому их подсказывает Святой Дух.

Есть много людей, которые после начального порыва энтузи- | |ма начинают испытывать усталость от предпринятых попыток и жалуются на свою неспособность «обращать слово в молитву». Во-

• 1С притязая на умение наставлять в молитве, я предлагаю то, чему к настоящему времени научился сам, в надежде, что смогу lipi 'должать эти усилия вместе со всеми верующими, которые лю-

бят Слово (ср. Пс 118*:97) и стремятся стать «служителями Слова» (Лк 1:2).

Итак я попытаюсь представить молитвенное чтение Слова Божия в том понимании, которое дерзаю назвать троичным, ибо троична молитва и троична наша жизнь. Разве не подвигает нас Дух Святой искать Христа, чтобы созерцать единого Бога, Господа вселенной?

2. Слово Божие

Писание, содержащее Слово Божие, ни в коем случае не следует воспринимать в духовной жизни как некий идеологический трактат или видеть в нем только книгу, на которой основаны только богословие да обучение катехизису. Писание — это обращение Бога к человеку, призыв к личности познавать Бога лично, соединиться с Христом и жить для Него, а не для себя.

Поскольку Писание передает нам Слово Божие, то в него следует вникать с помощью Духа Святого, приступать к нему и читать его в вере, как Слово, идущее от Бога и ведущее к Богу. И если сегодня, несмотря на все успехи в изучении Библии и распространение знания о ней в широких слоях христианского народа, мы вынуждены признавать бесплодность Слова, — то это как раз потому, что в нашем подходе к нему больше рассудочности, чем мудрости, больше умствования, чем понимания, больше медитации, чем молитвы.

При встрече с Писанием мы должны искать в нем не изложения некоей идеи, не умножения познаний, но договор между нами и Богом, между Тем, Кто говорит, и нами, которые слушают; иначе говоря, мы должны обращаться к Писанию, чтобы заключить завет.

Слово Божие — это слово жизни, то есть средство жить в Боге. Без него нам никогда не удастся стать носителями жизни Христовой в себе, мы никогда не сумеем жить божественной троичной жизнью. Этимологическое значение древнееврейского слова *dabar* («слово») указывает на самую сердцевину вещей, на то, что в них скрыто. Говорить — значит выражать то, что заключено в вещах, открывать и проявлять то, что за ними таится, как бы их глубинную динамическую сущность, их предназначение. Когда Бог говорит, Он творит вещи, велит им явиться на свет; когда Бог дает имя ве-

Нумерация Псалмов и названия библейских книг даны в настоящем издании по Синодальному переводу. — Прим. перев.

щам (ср. Быт 1:5, 8), Он их подчиняет Себе, простирает над ними Свою власть, даст им осуществить их собственное предназначение, ибо Слово Его не возвращается к Нему тщетным и совершает то, для чего Он послал его (ср. Ис 55:10-11 и Быт 1:1-31).

В таком древнееврейском понимании, столь отличном от наших привычных представлений, почерпнутых из греческой культуры, Слово всегда властно, могущественно и не противопоставляется действию, но вбирает его в себя как свою составную часть.

Вот, следовательно, что мы находим в Писании: не трактат о жизни, человеке и истории, но глубинную сущность всего, верховную власть Бога, проявляющуюся и пребывающую в этой сущности. Слово Божие — не книга или сборник текстов, но семя (Мф 13:19), то, что содержит в себе жизнь (Втор 32:47) и эту жизнь развивает, чтобы вырастить великое древо Царства Божия. Это семя всходит в истории, как и в жизни каждого отдельного человека, растет, наполняя действительность присутствием чего-то нового, освящает, ибо питает и дает пищу тем, кто его приемлет, и светит (Пс 118:105), ибо открывает тайны вещей, вразумляет и простых (Пс 118:130) и приводя сами вещи к их полному завершению (ср. Ин 17:17; Деян 19:20; Евр 4:12; 1 Пет 1:23; Лк 8:11; Мк 4:13-20, 26-32).

Бог создал все вещи посредством Слова: оно было у Него еще до Творения, и во время Творения было при Нем художником (ср. I [ритч 8:30), вливая свою силу в создания, являвшиеся на свет, и налагая на них свою печать. Оно есть орудие Божие: посланное на Иакова (Ис 9:8) или на землю (Пс 147:4), оно течет быстро и превращает историю человечества в историю Спасения (Пс 18:5; Рим 10:18; 2 Фес 3:1).

И вот почему Слово Божие наполняет вселенную: оно есть во-
И **У** **Г**ога, начертанная на всякой вещи, источник всего живого. Че-
рез Слово Божие мы явились в мир, им мы живем и движемся и су-
ществуем (ср. Деян 17:28), ибо оно направляет всякую вещь и воз-
никает из всякой вещи; и если мы слышим его глас и приподнима-

Ивесу, то проникаем в истинную и глубинную сущность вещей
и неожиданно оказываемся перед Создателем, вступающим в об-
щение с нами даже через вечерю (ср. Откр 3; 20); даже в таком всем
| пойственном действии, как принятие пищи.

И это происходит не только через глубинное призвание вещей
" и' Грядке Творения, но и потому, что Слово Божие явилось среди
шт стало видимым в Иисусе Христе. Поистине, это Слово, Пре-
| цро^с и, Божия, от сотворения мира начало свое центростремите-

льное движение, пока не стало плотью, пока не превратилось в Человека, носившего имя Иисус.

Слово было для всех, но сосредоточилось в откровении, данном Аврааму, Исааку, Иакову, в откровении иудеям. Оно было небесным, но укоренилось в одном городе, Иерусалиме, поселившись среди людей (ср. Сир 24:1-2). Оно стало близко нам, в устах наших и сердцах наших, чтобы исполнить его (Втор 30:14). Оно было вечным, но стало конечным в Иисусе, Человеке, как и мы. «Слово стало плотью, и обитало с нами» (Ин 1:14), «Слово вышло из тишины, из тайны, и пришло к нам», как говорит Игнатий Антиохийский⁵. Итак, Слово обрело имя, стало Человеком, зеркалом Бога, образом Бога невидимого (Прем 7:26; Кол 1:15). «И вот уже нет в Писании такого места, где не слышался бы Христос», — утверждает бл. Августин⁶.

И не только; но как нельзя узнать Отца, кроме как через Сына (Мф 11:27), так и нельзя ныне прикоснуться к Слову Божию иначе как в Слове, которое открывалось людям от Авраама до пророка Апокалипсиса и засвидетельствовано в Писании. В Писании мы причащаемся Христу, как причащаемся Ему в Евхаристии, ибо Писание не только свидетельствует о Нем, но в Нем завершается и исполняется. Это так ясно чувствовал бл. Иероним, когда говорил: «Мы едим плоть и пьем кровь Христа в Евхаристии, но также и в чтении Писания» и: «Я полагаю, что Евангелие есть Тело Христова»⁷. И потому мы «должны приближаться к Евангелию, как приближаемся к плоти Христовой!»⁸.

Это воплощение Слова Божия в слово человеческое — совершившееся полностью в Иисусе Христе — есть то же самое, которое происходит на всех уровнях домостроительства Спасения, которое мы находим во всех книгах Ветхого и Нового Заветов.

В конце концов, едино и всеобъемлюще Слово присносуще: Христос. Апостол Павел (2 Кор 1:19 слл.) учит, что во Христе все обетования получили свое «да», свое подтверждение. Бог, говоривший многократно и многообразно (Евр 1:1-2), — Тот, Кто в наше время во Христе высказался определенно. Св. Иринеи Лионский справедливо писал, что Христос «заклучил в Себе Самом долгую историю рода людского, являя Собой все Спасение в кратком виде»⁹. Итак, перелистывая страницы как Ветхого, так и Нового Завета, мы встречаемся с одной и той же книгой, «и эта книга есть Христос, ибо всякое божественное Писание говорит о Христе и всякое Писание во Христе исполняется»¹⁰. Читая Писание в таком единообразном толковании, мы становимся теми, кто снимает

покрывало с лица своего (2 Кор 3:12 слл.) и научается узнавать в Писании Христа.

Николай Кавасила говорит о Писании как об «образе Христа», и это значит, что оно дает Христу говорить Самому и наполняет взгляды и сердца Его присутствием. Только в том случае, если мы умеем переходить от слова написанного к «Слову субстанциональному», по выражению Никодима Святогорца, мы достигнем той истинной цели, ради которой Писание и было дано Церкви.

Итак, молитвенное чтение (*lectio divina*) состоит в том, чтобы искать Христа: «Тот, Кого я ищу в книгах»¹¹, — писал бл. Августин; оно означает таинство вкушения преломленного Слова, утверждает Ориген¹²; оно означает вкушение пасхального Агнца, говорит святитель Григорий Назианзин¹³.

Это чтение — священное и божественное. Но, разумеется, перевод обедняет этот термин. Это больше чем «чтение» — понятие слишком поверхностное; это меньше чем «изучение» — понятие слишком интеллектуальное; это не то, что «медитация» — понятие слишком отдающее пиетизмом и волюнтаризмом. Поэтому мы на этих страницах предпочитаем пользоваться термином «молитвенное чтение» или передавать его выражением «молитва Слову».

3. Литургия Слова

После такого вступления, уточняющего духовное значение (Нова, стоит обратиться к странице из Ветхого Завета, той единственной, где говорится о молигвенном чтении, и напомнить не-
| колько строк из нее.

Речь идет о главе 8 Книги Неемии, которая дает набросок теологического обоснования литургии Слова. Мы читаем здесь описание церемонии, утверждающей заново общину Израиля после возвращения из плена. В этот день начинается новый исторический период для всего Израиля, период более ясного присутствия Бога среди народа Его — через Слово. Это происходит во время торжественного богослужения, на которое собирается весь народ, не только мужчины, но и женщины и дети. То был пророческий день, когда было очевидно священническое и пророческое предназначение целого народа, а не только служителей алтаря. На том празднестве первый и единственный раз возникает мысль соорудить амвон, Библия для того, кто должен читать Писание. После торжественного много благословения (Неем 8:6) и епиклезы начинается чтение продолжительное чтение, длящееся целый день; читают стихи (мхом и переводят древнееврейский текст для народа, который

знает только арамейский язык. Затем Ездра и левиты дают толкования и пояснения. Но при встрече со Словом Божиим, словом Судьи, словом обоюдоострым у человека возникает только одно ответное чувство—трепет. Всякий раз при соприкосновении с Божественным человек, понимая святость Бога, может ощутить себя, как Исая, только человеком с нечистыми устами (Ис 6:5). Присутствие Бога сильнее чем когда-либо, в то время как Его Слово касается сердец верующих и проникает в них. Но Слово Господне должно принести спасительные рыдания, оно есть семя, посеянное со слезами, чтобы пожинаться с радостью (ср. Пс 125:6). И вот приходит слово утешения: «Не печальтесь и не плачьте... Идите, ешьте тучное и пейте сладкое... потому что день сей свят Господу нашему» (Неем 8:10-11).

В этом месте священного писания собраны отличительные свойства нового обряда, которым станет молитвенное чтение в синагоге и который есть только празднование Слову Божию, без жертвоприношения. Так для всего народа устанавливается возможность участвовать в богослужении. Каждую субботу люди смогут приближаться к Слову Божию, и вера и жизнь не будут прерываться в их селениях: в самых бедных, затерянных уголках будет возвещаться Слово Божие.

Это та самая форма молитвенного чтения, которой будет пользоваться Иисус в синагогах Капернаума, Назарета и в других синагогах Галилеи. Именно Иисус углубляет метод молитвенного чтения, и не только потому, что Он исполняет Собой то, о чем говорит Писание, но и потому, что Он связывает Слово Божие с нынешним днем. Когда Иисус читает отрывок из 61-й главы Книги Пророка Исаяи, то относит эти слова к настоящему дню, и слушатели понимают, что слово Исаяи, которому сотни лет, обретает свое «ныне» в речах Иисуса (Лк 4:16 слл.). Народ пребывает в изумлении перед этим «ныне»; но это мы и обязаны проделывать всякий раз, приступая к молитвенному чтению, иначе в подходе к Писанию мы останемся на уровне спекулятивном, чтобы не сказать археологическом. «Ныне исполнилось» это пророчество (Лк 4:21): если мы умеем так воспринимать древнее слово, то делаем его сегодняшним, современным, и постигаем, что значит Слово Божие во всей его мощи! Это «ныне исполнилось» — больше, чем признание того обстоятельства, что пророчество осуществилось во Христе; оно есть сотворение нового «ныне» для всех верующих во Христа. Всякий верующий есть священник, царь и пророк — достоинства основополагающие и необходимые для того, чтобы иметь силы и

право совершать молитвенное чтение, — и обладает во Христе способностью помещать текст в «ныне».

При молитвенном чтении пророческое достоинство верующего выражается в том, что он помогает зазвучать слову, идущему от Бога и потому действенному, слову, которое через Духа Святого судит из сердца читателя как из исходной точки те обстоятельства, в которых Слово звучит. Его царское достоинство проявляется в возможности «освящать» историю и превращать ее в историю Спасения: царь — миро, освящающее помазание которого отныне дается всему народу, призванному осуществить Слово в истории. И наконец, священническое достоинство должно выражаться в умении помещать события, засвидетельствованные Писанием, и нынешний день в одном, также связанном, времени.

А в Церкви всегда—«ныне»: ибо Церковь есть народ священников, царей и пророков, чья главная обязанность — возвещать Слово, то есть исполнять Писание.

«Она его хранит и постигает, ибо обладает Духом, Который его внушил, и в ней Иисус создает орудия, посредством коих учит... наставников, которые суть уста Христовы, Его гусли, Его учение»¹⁴.

Во всей литургии Слова, по вере нашей, текст разворачивается у нас перед глазами, и Христос раскрывает его в наших сердцах. Он силой Духа Святого ныне дает нам почувствовать современность этого текста по мере нашей личной веры, напряженности прошения и общей молитвы. Вот почему всякому молитвенному честию должно предшествовать усилие к молитве. Комментарии к е не самое важное: важнее со свободной душой приготовиться • in гать Писание. Тогда явится Христос и Сам возвестит Свое Слово, Сам его объяснит. Как сказано во Второзаконии: «Глаза твои видели те слова» (в русском переводе: «Не забыть тех дел, которые |идели глаза твои» — 4:9); и у Исая: «Слово, которое было в видении к Исая» (2:1). Отчего такие странные выражения? На самом и не, если слово есть Слово Божие и если слушатели внимают ему • Вере, то силой Духа Святого слово становится видимо, то есть мы **видим** его душой и ловим в глубине сердца, внутренним зрением, и **и** к го, что поистине есть, как Слово Божие, которое нас судит, зо- II I юсвятает в тайну, которое предрасполагает все наше сущест- l(1 г еосредоточенности на Христе. Христос не просто присутству- П I • I о I ic просто слышно, Его видно. Конечно, тут требуется спо- lll in >сть слушателей открываться навстречу видению, и открыва- | - • I • и они тем больше, чем больше их способность слушать, ибо «в

словах Писания таится Царствие Небесное, которое открывается тем, кто усердствует в молитве, в мире сердечном, в псалмах и чтении, во всем том, через что дух обыкновенно просвещается» .

4. От литургии Слова к молитвенному чтению

Слово Божие, обращенное к библейским авторам, было записано не для того, чтобы предоставить верующим некий застывший свод, но чтобы Писание всегда могло становиться Словом.

Особое место, где Писание становится Словом, — это литургия. Свидетельство о том, как это происходит, мы читали на странице из Неемии и на странице из Луки, посвященной синагогальной традиции, которой следовал Иисус в Капернауме. В литургии Слово становится живым и действенным, потому что Христос присутствует там и, заставляя его звучать Своим собственным голосом, препятствует тому, чтобы оно оставалось просто документом.

Литургическое собрание — это много больше, чем проявление единства народа Божьего, это видимое таинство Слова, по определению бл. Августина, таинство Слова, Которое дает Себя услышать. Да, это Сам Христос говорит в Церкви, когда мы читаем Писание. Сам Христос действует Своим Словом. Православная литургия с глубочайшим духовным проникновением требует, чтобы перед чтением Евангелия возглашалось «Вонмем».

Так Слово становится в этом возгласе силой Божией, творческой способностью.

Впрочем, с этим согласуется и всё свидетельство Нового Завета. Ап. Павел пишет: «Приняв от нас слышанное Слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, — каково оно есть по истине, — которое и действует в вас, верующих» (1 Фес 2:13).

Вера, первый результат действенности Слова, рождается в литургии Слова, а эта литургия, в свои черед, рождается из Слова Христова (ср. Рим 10:17).

Ориген, толкуя этот отрывок, доказывает, что Христа можно слышать непосредственно как Человека, — что и случалось с очевидцами, — непосредственно в проповеди апостолов, непосредственно в сердце каждого. Это три способа слушать Господа истинны.

Литургическое собрание — это общество не просто верующих, но верующих, сделавшихся священниками и пророками, то есть людьми, способными читать и слушать Писание в том же духе, которым проникнуты были священники и пророки. Стало быть,

каждый член Церкви, в силу такого своего достоинства, оживотворяет Слово для себя и для Церкви.

Литургии Слова принадлежит неоспоримое первенство, «ибо никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою» (2 Пет 1:20), и всякое совершаемое в одиночестве молитвенное чтение должно находить в ней свое разрешение и быть по отношению к литургии Слова одновременно и подготовкой, и продолжением.

Даже если приходится отмечать и подчеркивать первенство литургии Слова сравнительно с любым личным соприкосновением с Писанием, последнее остается важным и необходимым по следующим причинам.

Прежде всего потому, что существует прямое Слово Божие, подразумеваемое в Писании, но обращенное к нам лично помимо собственно Писания. Это Слово Божие, которое воспринимаем лично мы; оно не претворяется в письменном слове, но остается Словом Божиим. Необходимо единственное условие, чтобы это обращение Божие достигло нас лично: мы должны обладать достоинством слушателя литургического Слова. Когда ап. Павел пишет: «О братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга» (1 Фес 4:9), и когда Иоанн говорит: «У пророков написано: и будут все научены Богом» (Ин 6:45), — они указывают на возможность такого Слова Божия, которое обращено непосредственно к человеку. Так вот, разве не лучший способ его слушать — молитва Слову? Разумеется, такое знание обещано тем, кто знает Писание, но оно несомненно вытекает из идеи проповеди или литургии Слова.

Другое обоснование важности молитвенного чтения — приготовление к литургии. Если принимать Слово без приготовления, без веры, без любви и без знания, оно не будет животворящим и останется для нас мертвым словом. Если толкование и слушание Слова должны быть доксологическими, то есть исходящими из того, что Слово нужно объяснять самим же Словом, то его следует знать хорошо и глубоко, а это возможно только при любовном прилежании к Слову. Отрывки, выбранные Церковью для сборников текстов, — это минимум, необходимый для жизни в вере, но для глубокого их постижения нужно знать все Слово. Во время их оглашения верующий должен уметь ответить им душевным трепетом, вспоминая все тексты и все богословские догматы, связанные с литургическим отрывком. Одним словом, верующий должен

- in п. живым сводом симфонии.

Но дело тут не только в расширении, приращении и углублении наших познаний в Писании; дело в персонализации. В литургии Бог говорит с народом, но это лишь начало и причина того, что должно стать встречей личности с Богом. В читаемом тексте Бог зовет Авраама или Моисея, но этот зов должен стать Голосом, призывающим мое имя. Бог меняет имя человеку, но эту замену, предложенную мне текстом, я должен ощутить в себе самом. То, что в литургии есть диалог с народом, должно стать в молитвенном чтении диалогом с единственной личностью.

Можно сказать с некоторым упрощением, что истины, данные богословием и катехизисом, в литургическом пространстве Слова подтверждаются, тогда как в молитвенном чтении они становятся личными и духовными. Как истово умел совершать это превращение Ориген! Он дерзновенно доходил до того, что называл себя Церковью, супругой, говорил о себе¹⁶ так, как это делал впоследствии св. Бернард, утверждавший: «Каждый из нас есть Церковь!» . Один из канонов Трулльского Собора предписывал священникам не только проповедовать Слово во время литургии, но и приучать и побуждать верных к тесному общению с Писанием, поскольку «дабы стать зрелым христианином, потребны средства, доставляемые Библией» .

Молитвенное чтение, следовательно, есть принадлежность не только монашеской, но и всей церковной жизни, необходимое условие для того, чтобы Слово плодоносило. Не обманывайтесь: кто живет только Словом Божиим, возглашаемым в литургии, подобен земле из притчи, которая приняла семя, но не дала принести ему плод. На ней, бесплодной земле, птицы склюют семя, тернии его заглушат, солнце иссушит ростки. Иоанн Златоуст горячо убеждает и призывает верных такими словами: «Иные из вас говорят: «Я не монах»... Но в этом вы заблуждаетесь, ибо полагаете, что Писание нужно одним монахам, тогда как оно еще более необходимо вам, верным, живущим в миру. Но есть нечто еще более серьезное и опасное, чем уклонение от чтения Писания: это мысль, будто такое чтение бесполезно и ни к чему»¹⁷. Кто живет без чтения, — говорит также этот великий Отец Церкви, — тот упражняется в «сатанинском обряде». Услышанное Слово должно звучать непрестанно, а для этого его надо хранить и согревать в сердце. Как можно жить духовной жизнью, если не вдыхать Слово днем и ночью?

Златоуст, который был пастырем, отвечавшим за врученную ему Церковь, и всегда боролся с искушением требовать от монахов упражнения и практики в евангельском радикализме, часто увеще-

вал верных продолжать в молитвенном чтении литургию Слова: «Когда возвращаетесь домой, то должны взять Писание и с женой, с детьми перечитать и повторить вместе услышанное (в храме) Слово»²⁰; и еще: «Вернитесь в дом свой и приготовьте два стола, один с блюдами яств, другой с блюдами Писания; муж да повторит то, что читали в храме... Сделайте из сердца вашего храм»²¹.

Опасность, которая всегда нас подстерегает, — это поверхностное слушание Слова Божия. Услышанное Слово подобно семени, брошенному сеятелем: после того, как ты его услышал, надо бороться с бесом, который может украсть Слово или посеять сорняк. Итак, нужна борьба с поверхностным слушанием Слова (посеянное при дороге), с трудностями в его сохранении (посеянное на каменистых местах), со страхом дать ему прорасти (посеянное в тернии), — ср. Мф 13:18 слл. и 13:24 слл.

Чтобы иметь право сказать: «Я — Церковь», иначе говоря, иметь душу церковную, нужно такое чтение, которое делает человека, по выражению Климента Александрийского, теодидактом, «наученным от Бога».

Прежде всего следует помнить, что в молитвенном чтении заключена молитва личная, но не одиночная, так как чтение молитвенно только в том случае, если это чтение, совершаемое с Другим, чтение диалогическое, чтение вдвоем.

Если верно, что Писание—это обращение Бога к человеку, то столь же верно, что оно либо превращается в беседу с Богом, либо остается бесплодным. Когда я читаю Писание, Бог для меня — «Он»; но если я его читаю в вере и с молитвой, Бог для меня превращается в «Ты», то есть в Того, Кто передо мной, Кто со мной говорит и Кому я отвечаю. Таков конечный результат молитвенного чтения. То, что сказано в Боге, становится обращением ко мне, и в молитве, рожденной этим обращением, я говорю с Ним. Слушая Слово, мы слушаем Его, молясь, мы говорим с Ним.

5. Воспитание в молитвенном чтении

Среди самых настоятельных увещаний, раздающихся из уст Отцов Церкви, — предостережение не обмирщать Писание, не дешифровать из него предмет умствования или познания ради познания, Ибо такими делами может заниматься и атеист, тогда как верующему известно, что он, взяв в руки Писание, может понять прочитанное только благодатью Божией.

Таким образом, исконный и надлежащий способ читать Писание в осенений благодати — это молитвенное чтение.

Раввины говорили, что Тора, Слово, — это присутствие Бога в творении, присутствие, улавливаемое человеком при чтении, медитации, молитве. Они и есть три основных момента как в ветхозаветном, так и в древнем христианском представлении о благочестии.

Этот иудейский метод усвоения Слова был унаследован христианством (ср. 2 Тим 3:14-17 и Рим 15:4) и стал общим для всех Отцов Церкви и на Востоке, и на Западе, хотя истинное и точное его толкование было дано лишь в Средние века²². Позднее, в особенности в XVI в., «чтение» стало выходить из церковного употребления, но сохранилось, хотя и в ином виде, в протестантских церквях, чей опыт, несомненно, способствовал тому, чтобы цель молитвенного чтения становилась для каждого более личной, как и было указано древними Отцами и позднее подробно разработано Отцами средневековыми. Но в монастырях этот метод хранился непрерывно, и там нередко бывали засвидетельствованы возражения против других форм чтения. Во времена позднего средневековья возникали споры и столкновения монастырского духовенства с доминиканцами, чье схоластическое «чтение» тяготело скорее к толкованию и исследованию, чем к высшему благу — медитации и молитве²³; точно так же впоследствии монастырское духовенство выступало против предложенного Лойолой метода медитации, слишком психологизированного и интроспективного. Внутри самой монашеской среды приходилось защищать молитвенное чтение прежде всего от появившейся в XII в. тенденции сворачивать его едва ли не до полного исчезновения, чтобы оставить место только для литургической молитвы во время нескончаемых и непрерывных служб, в которых деяние Божие заменило бы собой молитвенное чтение²⁴.

Но после периода изгнания этого метода, совпадающего с периодом изгнания Слова, состоялся Второй Ватиканский Собор, который постановил: «Необходимо, чтобы все... пребывали в непрестанном соприкосновении с Писанием посредством святого чтения... посредством строгой медитации... и помнили, что чтение должно сопровождаться молитвой»²⁵.

Итак, молитвенное чтение, Слово как молитва, молитва с медитацией остается основным методом, и мы намереваемся набросать здесь введение в этот метод.

Выделяя в молитвенном чтении разные стадии, мы будем пользоваться советами Гвиго II Картезианца, применявшего ме-

тод* который был им очерчен и упорядочен в «Лестнице монахов», к словам Иисуса о молитве.

В Евангелии от Матфея (7:7) приводятся слова Христа: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам».

А Гвиго перефразирует их так: «Ищите в чтении и найдете в медитации; стучитесь в молитву и войдете в созерцание»²⁷. Как видите, Гвиго пересказал и обрисовал метод молитвенного чтения с помощью двух последних наставлений евангельского текста; мы же считаем уместным добавить и перефразировать также и первое наставление — «Просите, и дано будет вам» — таким образом: «Просите Духа Святого, и дано будет вам умение читать».

Мы полагаем, что для воспитания в молитвенном чтении подобная схема должна быть действенна. В движении духовной жизни, направленном к истинной молитве, к соединению с Богом, к нашей встрече с Ним лицом к Лицу, подобное построение полезно **как** для молитвы, так и для чтения, и поучительно для новообращенных.

А. Просите Духа Святого, будет дан вам свет

Иоанн Златоуст молился перед Писанием: «Отверзи очи сердца моего, дабы я понял и исполнил волю Твою... просвети мои очи светом Твоим», а Ефрем Сирии советовал: «Прежде чем читать, молись и проси Бога, чтобы Он открылся тебе».

Первое и основное, что должен сделать каждый верующий, приступая к молитвенному чтению — это просить, чтобы Дух Божий снизошел просветить все наше существо, дабы стала возможной встреча с Господом. Истинное наше положение—это положение слепцов, которые должны взывать перед книгой: «Господи, дай мне прозреть», «Господи, отвори мне глаза и сердце», — так **И**те, как в синагогальном богослужении и в христианской литургии **•Слова**, прежде чем возносить хвалы Богу, молятся: «Господи, отверзи уста мои». Всякое чтение Писания предполагает эпиклезу, **ибо** Писание становится Словом живым только через Дух, Который в нем заключен и **на** нем пребывает, **как на** Сыне при Крещении.

Читать следует в духовном измерении: в нем располагается Тело Христово, Церковь, Предание, в котором говорит Слово.

Есть тело, в котором божественные слова могут звучать **как** елова жизни: это Церковь. Следовательно, эпиклеза — это призывание Духа к единению с Церковью, которая **не** владеет Словом, **но** хранит его посредством Духа, пребывающего **на** ней, и посредст-

вом Писания. В литургии созывание народа — это уже на самом деле есть эпиклеза, но при молитвенном чтении верующий должен творить ее явно, в соединении с великой евхаристической эпиклезой, которая постоянно творится Церковью в полном и субстанциональном общении с Супругом — Христом. Так отпадает всякая опасность эгоистического, потребительского подхода к Слову Господню, отпадает опасность субъективизма в толковании, опасность фантазий и произвола, и личное соприкосновение со Словом становится освящением единства Церкви и Писания как единственного источника Слова Господня.

Мы просим Духа Святого в уверенности, что Он будет дан нам, ибо это единственная просьба, которая несомненно всегда будет исполнена: ведь Дух — это и есть прежде всего то «дающее благое», в котором Отец никогда не отказывает Сыну (ср. Лк 11:13).

Не следует думать, что Дух Святой действовал лишь однажды, снизойдя на библейских авторов и положив начало священным текстам; он всегда действует на тех, кто читает Писание, и только Его присутствие обеспечивает превращение буквы в дух, только Он придает тексту непреходящую юность. Писание становится животворящим Словом только если Дух Божий осеняет читающего²⁸.

Есть Дух, Который сотворил Слово, Дух, Который не покидает его в его странствии по истории, но заново делает его Словом живым в тех, кто ему внимает. Без эпиклезы мы не нашли бы Слова Божия в тексте, ибо текст, заключающий его в себе, открывает его в зависимости от способности восприятия и кротости читателя. Григорий Великий говорил, что «Тот самый Дух, Который коснулся души пророка, касается души читателя»²⁹, а св. Ефрем утверждает, что «только если мы пропитаемся Духом Святым, то сможем пить Христа». Позднее Гийом из Сен-Тьерри наставлял: «Писание требует, чтобы его читали в том же Духе, в каком оно было написано; через Него и следует понимать Писание».

Итак, эпиклеза рождает в нас прежде всего кротость, раскаяние, прозрение.

Кротость — то состояние, которое человек должен искать, к которому он должен стремиться; но оно зависит от Духа, от творчества человеческой воли и действия Духа. Этому на Западе до сих пор явно не придают должного значения, поскольку богословие Духа занимает весьма скромное место в жизни верующего. Тем не менее этот момент должен стать основополагающим, если мы не хотим дойти до того, чтобы внимать мертвой букве или, в

лучшем случае, чтобы наше восприятие стало чисто интеллектуальным и рассудочным.

Молитвенность чтения означает не только то, что оно имеет своим предметом Божий книги, но также и то, что это чтение совершается вдвоем — мною и Духом. Мы взываем: «Гряди, Господи!», и тогда Христос является из текста и приходит к нам и показывается очам нашей веры. А чтобы приять Дух, нужна кротость: один афонский монах верно говорил мне о той робости и осторожности, которые должны присутствовать в отношениях с Духом. Нужно вести себя с Духом, говорил он, как с голубкой, которая подлетает к нам тем ближе, чем более спокойно, несуетливо и кротко мы поджидаем ее.

Нисхождение Духа, подготовленное молитвой и кротостью, рождает отрешенность. Нужно отрешиться от самих себя. Мы не сможем слушать Слово Божие, если не заставим умолкнуть нашу самость, не сможем приступить к чтению, если в центре нашего внимания останется наше «я», не сможем открыться Божественному воздействию, если придержим что-то для самих себя и не предадимся Ему до конца.

Итак, мы должны сделать усилие, чтобы подавить в себе ложные потребности, которые сегодня становятся нашими идолами, нашими божествами. Многие из них на деле навязываются социальными условиями того общества, в котором мы живем, создаются рекламой, явной или тайной. Я задаюсь вопросом, не обращаются ли к Слову те, кто заявляет, что не находят «удовлетворения» в чтении Писания, в действительности лишь затем, чтобы удовлетворить какие-то свои корыстные потребности, иначе говоря, не ожидают ли они результата, которого Слово не может им дать, потому что Слово, как и молитва, в торги не вступает? Нужно усилие, чтобы отрешиться от сосредоточенности на собственных мыслях, на логических построениях, стараясь отбросить всякий эгоцентризм и глядеть только на Бога, искать только Его одного.

Это элементарное и простейшее требование; оно должно особенно настоятельно выдвигаться сегодня, когда ритм жизни и всеобщая глухота весьма затрудняют естественный переход в такое и (сечение. И все же, если душа наша окажется неспособна на подобие усилие, последуем совету преп. Пахомия Великого: «Обуздать нетерпеливые мысли, которые тревожат нас и вырываются из Нашего сердца, как пузырьки в кипящей воде; будем читать Писание и непрестанно размышлять о нем... и тем освободимся от мнений».

Воздевание рук — это жест, сопровождающий молитву иудеев; смысл его как раз в отрешении от себя и вознесение духа: «К Тебе, Господи, возношу душу мою» (Пс 24:1).

Так же точно и слова «Горе имеем сердца» в католической и православной литургии и Херувимская в литургии православной — это призывы оторваться от самих себя и сосредоточиться главным образом на Христе. Вознесем сердце наше и руки к Богу, существу на небесах! (Плач 3:41).

Все наше существо должно стремиться к Тому, Кто в вышних, к Всевышнему, должно влечься за Его Словом. Такое состояние «не должно напоминать настроение приподнятости, экстаза, граничащего с гордыней, но должно рождаться из глубочайшего смирения, из самоумаления»³¹. Когда мы говорим о вознесении духа, это означает стремление к Богу, а не волнение чувств. Бл. Августин по этому поводу заметил: «Сердце возносится не так, как тела: телам, чтобы подняться, нужно переменить место; сердцу достаточно, чтобы переменялась воля»³². Итак, вознестись сердцем означает войти в сферу действия той силы притяжения, которой Бог обладает над нами, покорно следовать за Духом, соединять и собирать все наше разделенное существо в сосредоточенности на Боге, а во время молитвенного чтения — на тексте, который у нас перед глазами. Возноситься сердцем означает стремиться к любовному познанию; это гораздо сильнее вознесения разума, медитации в человеческом значении этого слова. Любовное познание — это познание сердца: связь сердца с Сердцем, личности с Личностью. Выражение «от сердца к сердцу» не следует понимать в романтическом смысле; оно означает позу Иоанна на груди Христа в сокровенной беседе, что, по Оригену, позволяет проникнуть в глубинный смысл Евангелия. Так кротость превращается в вознесение духа, а вознесение — в сосредоточенное внимание.

Быть внимательным означает стать в позу слушателя по отношению к Господу, Который говорит. Внимательным нужно быть не только к сообщению, но и к Тому, Кто его возвещает. (Мария Магдалина в своем внимании к Садовнику, к тому, как Он ее окликнул по имени, сумела распознать присутствие Господа и увидеть Иисуса — Ин 20:15-16). В таинственном диалоге с Богом от нас прежде всего требуется быть внимательными слушателями. Так между верным и Словом возникает глубокая и тайная связь, и все человеческое существо предстает перед Богом. Св. Амвросий говорил, что внимание должно быть таким, чтобы «человек весь погрузился в слушание Глагола»³³, Слова и Лица. А И.А. Бенгель,

протестантский теолог, так определил внимание к Библии: «Всего себя приложи к тексту, всё прочитанное приложи к себе»!

Не должно быть никакой рассеянности при слушании Слова, ибо «кто слушает невнимательно, — утверждает Кесарии Арльский, — тот будет виновен столько же, сколько и тот, кто по небрежению уронил бы наземь Тело Господне»³⁴.

При совершенном внимании и полном самозабвении нетрудно накрепко прилепиться к Богу, ибо тогда мы, как говорит свт. Григорий Великий, остаемся «подвешены на любви Божией».

Такие приготовления — предупреждаем еще раз — необходимы; но только в том случае, если Дух их оплодотворит, они станут полезны для достижения истинной цели молитвенного чтения. Если мы просим Духа, если приготавливаем себя для Него, то, несомненно, нам будет дан свет, необходимый для чтения.

Б. Ищите в чтении, найдете с медитацией

Если верно, что надо уметь молиться, то столь же верно и то, что надо уметь читать. Чтение, по преп. Кассиану Римлянину, должно вести к пониманию, к постижению Писания, к истинному знанию. Но прежде чем говорить собственно о чтении как этапе мотивы Слова, нужно остановиться на кое-каких необходимых со-
I виляющих его аутентичности.

Прежде всего, чтение требует определенного времени: верующий должен распределить свое время так, чтобы найти особый и подходящий для чтения час. Для разных людей он разный, но - и-новное условие здесь — постоянность. Особое время нужно по-
ю м у, что человек — существо ограниченное и может делать дела только одно за другим, а не все разом. Для чтения — это следует подчеркнуть — нужно время, и время подходящее: ночью, на рас-
I неге, вечером, во всяком случае, в часы, благоприятные для покоя, нппины, одиночества. Нельзя забывать, что это — внешние средства по отношению к нашему духу, которые могут помочь ему
|«к редоточиться.

«Почему же он ищет... блага столь великого, что его ищут, Чтобы найти, и находят, чтобы искать? Потому что его ищут, чтобы Нийги с большей кротостью, и находят, чтобы искать с большим шем»³⁵.

Вильгельм (Гийом) из Сен-Тьерри в «Золотых письменах» призывает заниматься чтением в определенные часы: «В определенные часы нужно посвящать особое время определенному чтению. Чтение беспорядочное, разнообразное и едва ли не случайное

не поучает, но расшатывает душу»³⁶. Это потому, что для чтения нельзя выделять какие-то обрывки времени; как и молитва, оно не может служить «наполнителем» дня. Конечно, в наше время лихорадочной деятельности у верующего велико искушение отложить молитвенное чтение на часы, случайно оставшиеся от целого дня. Но отводя таким образом для него ограниченное и неподходящее время, нельзя получить желаемых плодов. Без сосредоточенности, присущей тому, кто входит в комнату свою и затворяет дверь за собою и читает тайно (ср. Мф 6:6), без окружающей тишины ожидание Бога невозможно. Жюрьё говорит прямо: «Общение души с Богом требует тайны», а бл. Иероним увещевает: «Всегда храните тайну своей комнаты: Супруг может быть там, потому что, когда молитесь, вы говорите с Ним, а когда читаете Писание, Он говорит с вами»³⁷.

Не следует опасаться отъединенности от людей. «Понимание духовной жизни требует дисциплины совместной жизни, но мудрое познание Бога требует молчания и тайны» .

Так мы готовимся войти в мир Божий и почувствовать Его близость: «Близок Ты, Господи» (Пс 118:151). Порой медленно и с большими внутренними сложностями, порой с восторгом и быстротой мы сознаем, что Бог здесь, что Он присутствует среди нас (ср. Пс 83), и чувствуем, что протягиваем Ему наше сердце, что способны положить его в десницу Божию, на грудь Ему, под Его крыло (ср. Пс 60:5 и 90:4).

Такое ощущение непременно должно порождать в нас радость и робость, — робость не как страх, но как покаянное сознание собственной малости, волнение не чувств, но духа. Как народ плакал при чтении Ездрой Писания, так и мы можем иной раз высказать подобное чувство раскаяния. Плач Духа — сокровище столь драгоценное, что средневековые Отцы зачастую возносили ему хвалы. Разве не покаяние прежде всего — тот плач, те воздыхания неизреченные, которые творит в нас Дух (Рим 8:26) и которые порой счастливо находят свое освящение в слезах? У Ромуальда Равеннского, когда он постигал смысл Писания в Духе, глаза наполнялись слезами, оттого что Библия открывала ему свои тайны³⁸. А свт. Григорий Великий так говорит о монахе, умеющем усваивать Слово Божие: «Часто вижу, как иные ревностно предаются молитвенному чтению, дабы сотворять слезное приношение Господу, в этом святом плаче предлагая в жертву самих себя. Лоно их так наполнено Библией и внутренности их так напитаны Словом Божиим, что душа их, сосредоточившись на Боге, живет в пла-

че и святом воспоминании» . Так открывают Библию — движением почтительным и благоговейным, с эпиклезой, с покаянием.

И если верно, что чтением нужно заниматься в определенное время, то верно и то, что читать нужно определенные отрывки. Не следует и невозможно листать Писание от случая к случаю и переходить по своей прихоти от одного места к другому. Счастливое обладание сборником текстов на каждый день должно побуждать христианина придерживаться его; только непрерывное чтение книги может его освободить от следования этому сборнику. Искать как-Кие-то места по собственному усмотрению означало бы сводить Библию к книге, в которой ищут то, что хотят найти. Нужно, напротив, читать текст подряд, ничего не отбрасывая, ничего не выпря, даже если такой выбор иной раз кажется оправданным личными или общественными мотивами. Читающий должен стараться не принимать во внимание свои заранее сложившиеся предпочтения, а послушно следовать туда, куда пожелает его вести воля Духа.

По бл. Иерониму, открыть Писание и читать его означает «подставить паруса Духу Святому, не ведая, к каким пределам нас прибьет» . Мы никоим образом не должны поддаваться жажде новизны, зуду любознательности при встрече с Писанием, заключающим в себе весть от Бога, при встрече с книгой, которая Духом говорит сама по себе. Следует остерегаться того, чтобы заставлять III (сание говорить по нашей воле. «Бог ждет от тебя не слов, но сердца твоего» , — говорит бл. Августин. Разумеется, у нас есть искупие отбирать тексты, вызывающие особое душевное волнение, по не забудем, что Слову Божию свойственно служить повседневной пищей, и оно, как всякая пища, не всегда может доставить нам I" насыщение и то удовольствие, которыми дано наслаждаться ш и п , в редкие минуты.

Приступать к Писанию в вере означает также быть готовым м нищать обращение непонятное, странное, суровое, обращение, Кой >рое может показаться на первый взгляд не имеющим отношения W ко мне. Текст может также «ничего мне не говорить», но дру- рftt кая беседа состоит не только из обмена словами, но и из минут Молчания, которые могут быть красноречивы, ибо говорят Богу о Моей пустоте рядом с его полнотой, раскрывающейся в Его Слове, I Шс говорят о необходимости целиком подчиниться тексту («все- I >я приложи к тексту»): только после этого я смогу приложить Iе прочитанное: («все прочитанное приложи к себе»). Такое Молча ние зачастую бывает спасительно, даже если оно выдает ока-

менелость и сухость духовную, ибо помогает нам сосредоточить взгляд на Боге, ожидать Его в чтении Писания и возносить Ему хвалы этим молчанием, которое одно может придать смысл нашей неспособности молиться. Но Бог наполнит его, как наполняет Он открытые уста псалмопевца (ср. Пс 80:11). Может также случиться, что мы столкнемся с темными словами, непонятными текстами; темны речи Валаама, сравнивающие Бога с единорогом (Чис 23:22), темна весть, исходящая из пламени Синайского, темны языки огня Пятидесятницы. Но эти образы при чтении и повторении их должны вызывать в ответ не умозрительные рассуждения, но любовь, ощущение, что Весть превышает нас. Бл. Августин по поводу трудности некоторых мест в Писании говорил, комментируя стих Пс 10:4 («Очи Его зрят; вежды Его испытывают сынов человеческих»): «Порой люди находят темные места, и очи Бога как бы закрыты: тогда они подвигаются на поиски; другой раз находят, что очи Бога открыты, и речи Писания ясны: тогда они видят свет и радуются тому. Но существование темных и ясных мест в священных книгах подобно очам Божиим, которые испытывают сынов человеческих: тех, кого темнота речей не раздражает и не утомляет, но подхлестывает, и тех, кого понимание не наполняет гордыней, но укрепляет в вере»⁴³. Монашеская мудрость у преп. Макария Великого определяется так: «Довольствуйтесь тем, что можете понять, и старайтесь применить это в жизни; тогда что было сокрыто от вас, откроется вашему духу!»

Преподобный пустынный Памва любил повторять: «Уста монаха святы, ибо непрерывна его беседа с Богом»⁴⁴; и в самом деле, Писание было голосом их молитвы и зеркалом их созерцания. Преп. Кассиан именно в непрерывности чтения видел одно из средств, способных усиливать веру, а молитву делать более чистой: «Вот к чему ты должен стремиться всеми способами: усердствуй с постоянством и прилежанием в святом чтении, дабы непрестанная медитация пропитала твой дух, а Писание словно превратило бы тебя в свое подобие»⁴⁵.

Прилежание в чтении есть к тому же знак и мера нашей духовной жизни. Всякое духовное развитие проистекает из чтения и медитации над Писанием, а не из наших собственных решений, принимаемых безотносительно к силе Божией.

Амос пророчествовал: «Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (8:11). Если мы — существа духовные, то томимся жаждой, и только Слово может та-

кую жажду утолить. Монахи в древности испытывали этот голод и >ту жажду, и их прилежание в молитвенном чтении засвидетельствовано многократно. Бл. Иероним рассказывает о своем опыте и о том, как потребность в чтении была у него столь сильна, что отгоняла от него сон и увещевала его так: «Денно и ночью усердствуй в чтении. Сон да застанет тебя с книгой в руках, и святая страница да примет клонящуюся голову твою»⁴⁶; Петр Достопочтенный восхваляет монаха, «чьи уста беспрестанно твердят святые слова»⁴⁷.

Эти свидетельства следует читать в свете Пс 118: «Утверди слово Твое рабу Твоему... в полночь вставал славословить Тебя... ныне слово Твое храню... уповаю на слово Твое... размышляю об откровениях Твоих... укрепи меня по слову Твоему... радуюсь я Слову Твоему».

Подобная непрерывность чтения нужна, чтобы сродниться с библейским миром; это ясно видел бл. Иероним: «Чтение порождает усердие, усердие порождает близость, близость порождает и) крепляет веру»⁴⁸.

Нельзя подбирать в рассеянности какие-то обрывки Библии: мы должны погружаться в нее, сливаться с ней, быть так с ней близки, чтобы хранить ее в глубине нашей души и беречь как пам. | 1ь, воспоминание. Очевидно, что Песнь Богородицы излилась из • срдца, наполненного Писанием, что она родилась в библейском • ердце. Так и мы нуждаемся в таком усердии, которое — через МО — ID шу ли, через крепкую ли верой жизнь, — приводит нас к гармонии с духом Писания.

Несомненно, Библия — это книга, которая открывает свои со- • I м - пенные тайны тому, кто постоянно с ней общается. Только дол- Рое и неизменное общение позволяет привыкнуть к ее языку и об- рвным выражениям. Исидор Севильский говорит: «кто хочет все- гда пребывать в единении с Богом, тот должен часто читать... и ...» Ино слушать Священное Писание... ибо двигаться дальше мож- | >лько с помощью чтения и медитации. Чего мы не знаем — то v таем из чтения, а что узнали — то сохраним в медитации!»⁴⁹. А • > Амвросий увещевал: «Всякий день размышляйте над Словом мим. Возьмите себе в советчики Моисея, Исайю... Петра, Пав- H1 Иоанна... Возьмите себе как высший образец Иисуса Христа, и можете соединиться с Отцом. Беседуйте с ними, размышляйте • ними весь день»⁵⁰.

Сделав такие уточнения, мы можем начать читать. Нужно чи- Ж». пропуская текст через себя, созерцать его и сразу же после Псїї о запирать душу, не включая еще других наших способностей,

кроме внимания. «В простом чтении — пишет Гийом Фирмат, — говорят Отец, Сын и Дух Святой. О сладостная беседа!»⁵¹. Речь идет о слушании и приятии еще до размышления, то есть о слушании Слова как жизненном процессе. Читать нужно всем своим естеством: телом, поскольку обычно и губы произносят слова; памятью, которая эти слова запечатлевает, разумом, который проникает в их смысл. Плодом такого чтения будет опыт.

Текст надо читать как он есть, чтобы воспринимать его по-настоящему, в том смысле и в той форме, какие ему присущи, и не стараться как можно скорее найти ему приложение; не надо слушать его в зависимости от обстоятельств нашей жизни и наших представлений. Нужно избегать всякого субъективизма; Слово следует воспринимать объективно и стараться понять, что означает текст сам по себе.

Не нужно стремиться к силе психологического воздействия, которое легко могло бы стать подручным средством при соприкосновении с миром и его искушениями. Не следует добиваться заранее намеченных результатов, иначе мы погрязнем в самодостаточных поисках. Отгоним от себя соблазн: никакой интроспекции, но взгляд на нашу действительность как бы со стороны, взгляд на то, что освещено Богом. Нужно глядеть очами Божиими, насколько это возможно, а к такому зрению мы можем приблизиться, учась читать и видеть мир, как Он его увидел и прочел: разве Писание — это не то, что Бог читает и видит в человеке и мире?

Нужно слышать голос, воспринимать Слово как то, что ныне всегда идет к нам. Да, это Слово кажется нам связанным с каким-то событием прошлого, с давней историей, но коль скоро оно — сила и власть Господня, то оно воссоздает для нас новый день всякий раз, когда мы его слышим: «О, если бы вы ныне послушали Гласа Его» (Пс 94:7).

И потому следует не гадать, как звучало Слово в тот момент, когда было написано, но воспринимать его так, словно оно было произнесено сегодня впервые. Только в таком случае чтение будет живым, исполненным смысла, плодотворным; только в таком случае мы осознаем, что есть Бог, говорящий ныне через Христа, и сумеем подчиниться этому голосу, воспринять его и сохранить в себе. Семя брошено в добрую землю, и спим ли мы или бодрствуем, оно всходит и растет (ср. Мк 4:26-27). Наши усилия должны быть направлены лишь на то, чтобы пребывать в Слове: «Если пребудете в Слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину» (Ин 8:31-32). Пребывать в Слове означает пребывать близ Христа,

чтобы становиться Его учеником. Двое призванных (Ин 1:39) пошли за Ним и остались с Ним: Иисус не требовал от них иного. «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут» (Ин 15:7), то сумеете молиться как должно и будете услышаны. Это самое существенное для молитвенного чтения: пусть молитва изливается чистой, угодной Богу — и цель будет достигнута.

Попробуем ничего не растерять из того богатства, которое заключено в этом методе.

При чтении нужно искать, то есть медитировать.

Искать при чтении! Кого или что мы должны искать? Какие нужно употреблять способности и средства?

Искать значит анализировать текст, направлять внимание на его слова, на контекст. Разумеется, мы не можем не принимать в расчет то обстоятельство, что современная библеистика, филология и экзегетика существенно облегчают нашу задачу. Если ученость не бесплодна, то она может привести к более разностороннему, более полному чтению текста, как показывает пример бл. Иеронима. Поэтому мы должны использовать имеющиеся в нашем распоряжении средства культуры, чтобы достичь самого высокого на сегодня уровня и наибольшей глубины в понимании текста.

Требуемое при молитвенном чтении постижение текста существенно зависит от понимания Библии изнутри, от познания Библии через саму Библию; оно зависит от умения читать с помощью «Симфонии», то есть сопоставления и соотнесения с другими, параллельными текстами, которые проясняют и усиливают смысл прочитанного и ведут, под действием Духа Святого, к более широкому и духовному пониманию. Такой способ молиться через Слово может показаться пассивным, но это простейший способ, способ бедняков, поскольку он всегда доступен; для него не нужно ничего, кроме долгого и прилежного чтения Библии. В древности монахи были лишены предметов культуры, зачастую были неграмотны и необразованны, но их память удерживала такое знание Библии, что оно, по словам преп. Кассиана, «обновляло дух; обновляло сам лик Библии, рождая красоту смысла по мере продвижения духа»⁵². Блаженному Франциску Сиенскому случалось «преломлять хлеб Слова для народа и предлагать им Слово Божие во всей полноте, готовясь к тому не изучением разных доводов, но долгим пребыванием в поклонении Христу Распятому и созерцании Его»⁵³. Когда его спрашивали об этом, он отвечал словами, которые для нас звучат настоящим увещанием: «Не учение, но

елеосвящение, не умственное знание, но сердечное сознание, не книжное усердие, но милосердие должны быть нашими наставниками в молитвенном чтении»⁵⁴.

Действительно, Слово Божие дано нам ради духовного помзания и христианской любви, а не ради культуры и учености.

Итак, искать в чтении с помощью разума и всевозможных культурных приемов — это хорошо, но главное — вера, которая просвещает разум, вера, которая есть отправная точка и цель размышления, которая есть единственно необходимое условие для поисков Христа в тексте.

Но важнейшей частью таких поисков в чтении является «пережевывание», «перемалывание» Слова. Эти выражения идут от словаря, свойственного преп. Пахомию; в применении к Слову они указывают на способ усвоения Слова услышанного и воспринятого. Это и есть — «вкусить и увидеть, как благ Господь» (ср. Пс 33:9).

Вильгельм из Сен-Тьерри говорит так: «Касательно всего Писания, обращение к нему (к «перемалыванию») столь же далеко отстоит от простого чтения, сколь дружба далеко отстоит от гостеприимства, братская нежность — от случайного привета. При ежедневном чтении нужно всякий день отправлять какой-то кусочек в желудок памяти, чтобы он был лучше переварен, а если попадется - снова, был бы тщательно пережеван»⁵⁵.

Если при чтении первое место принадлежит внимательности, то при «пережевывании» должна действовать преимущественно память. Нужно вновь и вновь возвращаться к тексту, находить его главную тему, перебирать слова и запечатлевать их глубоко в сердце.

Подобное пережевывание Слова есть духовное вкушение Писания, и так Писание становится пищей и питьем при долгом созерцательном размышлении.

Как говорит Иоанн из Фекана, это происходит в устах сердца посредством «нёба сердца», а Гвиго II в «пережевывании» различает начало медитации.

В результате такого усвоения прочитанного и понятого Слова мы смакуем его вкус, воспринимаем каждое выражение во всей его глубине, прислушиваемся к эху этого текста по всему Писанию. В уставе преп. Пахомия Великого сказано: «Когда (братья) остаются в доме, им не дозволяется говорить о чем-либо мирском, но если священник наставил их в каком-то месте из Писания, они должны

продумывать и повторять друг другу то, что услышали и сохранили в памяти»⁵⁶.

Следовательно, не забывать, не упускать из виду Писание — что не просто дело памяти, поскольку речь идет о памяти сердца, которое приняло в себя слова и образы библейского текста. Иудейское чтение и чтение молитвенное не только совершаются в уме, но требуют всего человека: он должен произнести Слово, сосредоточить внимание мысли, чувства, памяти, чтобы слова запечатлелись в сердце. Иначе говоря, это активная медитация, в которой одно и то же слово повторяется и проговаривается вновь и вновь, как в Псалме 118: «Благоволи же, Господи, принять добровольную жертву уст моих».

«Пережевывание» — это наилучшее средство, с помощью которого текст вновь становится Словом, оживает в нас всякий раз по-новому; это метод, с помощью которого ученые книжники умеют извлекать из Писания смысл новый и древний; оно пробуждает эхо того львиного рыка, каким и является могучее Слово Божие. Один из самых прекрасных его плодов — память о делах Божиих, которую оно в нас рождает. Чем больше оно участвует в запоминании, тем доксологичнее и полнее память о тайне истории Спасения и Христа.

Святитель Василий Великий, очевидно, это знал, когда описывал память о Боге: для него «накрепко утвердить в себе Бога посредством памяти»⁵⁷ — это обычное следствие чтения Писания, истинная молитва, доступная как самому смиренному, так и самому ученому из братьев, память, которая может жить всегда и которая сама по себе есть непрестанная молитва. «Память о чудесах Божиих, — говорит свт. Василий, — проистекает из чтения, и из хранения Писания в памяти рождается истинная медитация».

А теперь — несколько самых общих замечаний по поводу медитации.

После собственно чтения «перемалывание» вводит нас в медитацию.

Медитация состоит в перенесении Слова Божия в жизнь, чтобы оно стало орудием молитвы. По определению Жана Леклерка, медитация — это поиски вкуса Писания, а не поиски знаний⁵⁸. «Писание — это колодезь Иаковлев, и с помощью медитации мы черпаем воду, которую проливаем в молитве». Медитация требует тяжелого и неустанного труда, но целые поколения людей, со времен Отцов Церкви до Средних веков, достигли в ней больших успехов. Даже Франциск, настроенный столь критически к мона-

шескому миру, оценит этот метод, который ляжет в основу школы неканонических нищенствующих орденов⁹⁹.

Но как заниматься медитацией? Библия не дает рецептов, но кое-какие подсказки в ней есть.

Один из видов медитации, предложенный, к примеру, Псалмом 118, — это определение одной темы (в данном случае — «закон») и многократное возвращение к ней с разных точек зрения. То же самое происходит и в Псалмах 105 и 106, предмет которых — любовь Бога к народу Своему, проявившаяся в истории. Медитация здесь — как путешествие, метод повторения.

Существует и иной вид медитации, который встречается у ап. Павла; он соответствует движению по типу сжатие — расширение, отмеченному двумя периодами: в первом тема рассматривается в более узком, конкретном смысле, как, к примеру, событие Креста в Посланиях к Галатам и Коринфянам; во втором наблюдается расширение и обобщение этого события, подобно спасительному действию Креста в Посланиях к Колоссянам и Ефессянам.

Есть и метод ап. Иоанна, который мы назвали бы циклическим; при нем вновь и вновь возвращаются к одним и тем же темам в катехизических целях.

И есть литургический церковный метод: праздновать и продумывать событие истории Спасения сначала с онтологической точки зрения — воспоминание Рождества и Пасхи, — а затем с сотериологической — воспоминание Богоявления и Пятидесятницы. Но существует и множество других методов. Важно, открыв текст, задуматься, подобно Марии, что означают слова откровения (Лк 2:29) и сохранять их, слагая в сердце своем (Лк 2:19). Слово Божие не чинит насилия, оно кротко, пребывает скорее в тихом ветре, чем в огне (3 Цар 19:12) и достигает слуха окольными путями, в безмолвии, посредством Духа Святого.

Но конкретный пример медитации дает Гвиго. Стоит рассказать о нем, поскольку он очень красноречиво свидетельствует о разнице между пониманием медитации у него и во многих учениях последних веков. Он отправляется от евангельского стиха: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», и начинает с поисков центрального понятия в стихе — чистоты сердца. Это понятие не наводит Гвиго на мысль покопаться в собственной совести или сопоставить себя с евангельским словом, но напротив, отсылает к Псалму 23:3-4 и напоминает о достоинстве того, кто пребывает в близости Господа, и чья молитва звучит в Псалме 50:12: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже». И вот, Богу возможно творить чис-

тоту, обновлять дух и сердце. Плод этого действия Божия в нас — способность узреть Бога, узреть лик Господень, которого мы так долго искали; способность узреть Бога в Христе Преображенном. Тогда жизнь очистится, смерть исчезнет и «пробудившись, буду насыщаться образом Твоим» (Пс 16:15). Вот какова святоотеческая медитация.

На этом месте Гвиго прерывает свои размышления и говорит читателю: «Видел, какой пожар разгорелся из маленькой искорки?» Это то расширение молитвенного чтения, которое позволяет воспринимать все большую часть Слова Божия, наполнять уста Его словами и хранить их, прежде чем повторить, воздыхая (Пс 118:131). Да, Писание — глубокий колодец, и у нас нет других способов черпать из него, кроме медитации — беседы между нами, Духом и Христом, Который является из библейского текста как образ Отца⁶⁰.

Феолепт Филадельфийский наставляет, как следует предаваться подобной медитации: «Прочтите страницу внимательно, проникните в ее смысл; не довольствуйтесь тем, чтобы пробежать слова быстро и поверхностно, но прочувствуйте их всем разумом и сложите их смысл в сердце своем; затем подумайте над тем, что прочли, поразмышляйте, и тогда к вам придет ревностное усердие. Как пережевывание пищи делает вкус ее приятным, так произнесение и повторение божественных слов дарит разуму помазание светом и радостью»⁶¹. В медитации обретается и становится все ощутимее вкус Слова Божия.

Исаак Ниневийский учит, что «при медитации слова обретают в устах особую сладость, и можно бесконечно повторять одно и то же слово. Так Слово Божие беседует со мной, так Сам Бог беседует со мной, и Слово говорит мне то и требует от меня того, чего вчера не говорило и не требовало». Человек, внимающий Слову, обретает достоинство «человека отвечающего» Создателю. Так начинается следующий этап «чтения» — молитва.

В. Стучитесь в молитву, войдете в созерцание

По поводу этой предельной точки, цели молитвенного чтения, мы будем крайне немногословны, полагая, что очень трудно определять и указывать такой момент, который различен у разных людей и который есть результат, а не следствие молитвы Слову. На самом деле все, что мы до сих пор описывали, уже представляет собой одну из форм молитвы, но на этом этапе читающий должен

осознать это обстоятельство и больше чем когда-либо ощутить себя стоящим на молитве.

При медитации чтение может привести нас к экстазу, растворению в Боге. Бл. Августин пронизательно предупреждает нас о таком состоянии: «Если текст являет собой молитву — молитесь, если плач — плачьте, если благодарение — пребывайте в радости; если это текст надежды — надейтесь, если он выражает страх — страшитесь. Ибо то, что вы видите в тексте, есть ваше зеркало»⁶²

Так мы вступаем в беседу с Богом в духе и настроении текста и можем совершать лишь богоугодную молитву. Слово вошло в нас и теперь обращено к Богу в виде молитвы. Исполняется сказанное св. Амвросием: «Когда слушаешь, Бог говорит с тобой; когда молишься, ты говоришь с Богом»: движение замыкается, завершается.

Это и есть истинная христианская молитва: молитва, которая может звучать как мольба, прошение, заступничество, хвала, благодарение... иными словами, она может включать в себя все разнообразие и полноту общения с Другим, но основывается на Писании и создана словом Божиим и Духом Святым, породившим это Слово и осенявшим Его Воплощение. Христианская молитва есть и всегда была деянием Божиим: Слово возглашенное, повторенное, прошептанное про себя, продуманное, пропетое, чтобы превратиться в созерцание и заступничество перед Отцом через Сына в Духе Святом. «Старайся ничего не говорить без Него, — дает еще один совет бл. Августин, — и Он ничего не скажет без тебя»⁶³. То есть, молись словами Божиими, и тогда Он не даст Слову Своему пропасть втуне и не будет иметь тайн от тебя. Он всё тебе скажет, Бог всё явит тебе.

Вильгельм из Сен-Тьерри считает медитативной ту молитву, что исходит из сердца, которого коснулось божественное Слово: эта молитва поистине есть поток, истекающий из храма, внутри которого находился ковчег, содержащий Слово, — о чем говорится у Иезекииля (ср. Иез 47:1 слл.); молитва, сочающаяся из сердца, рассеченного мечом обоюдоострым, Словом Божиим, которое проникает и разит (Евр 4:12); и отсюда рождается покаяние. Молитва—это мой ответ Богу. Он даровал мне Себя в чтении, а я отдаю Ему себя в молитве. Бл. Иероним также пишет о том, чтобы «говорить с Супругом, творя молитву», дабы уловить Его присутствие, когда Он является из текста, и воспользоваться им для любовной беседы. *Нищие* (anawim) Нового Завета отвечают Словам Божиим, повторяя Ему в «Благословен Грядый...», в «Величит душа моя Госпо-

да...», в «Ныне отпускаеши...» то самое Слово, которое Бог произнес в книгах Ветхого Завета.

Этот ответ дан со смирением, с сознанием собственной малости, но также и с прямоотой, с откровенностью, потому и возможной, что мы говорим с Богом Его же словами.

Та молитва, что изливается из молитвенного чтения, откровенна, мощна и могуча. У христианина нет более надежного способа настоящей молитвы, чем тот, что предлагается литургической мудростью Соборной Церкви. В самом деле, при чтении вслух и ответном повторе она совершает ни что иное, как побуждает верных молиться библейскими словами.

Молитва как ответ на чтение непременно проходит несколько стадий. Прежде всего молитва начинается с пения, с устного словесного, нередко взволнованного благодарения: «Господи, Боже мой! Ты дивно велик», «Как многочисленны дела Твои, Господи!» (Пс 103:1,24); «Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим; я восхищаюсь делами рук Твоих» (Пс 91:5).

Это миг опьянения, который может разрешиться слезами радости или пляской. Буду плясать для Тебя, Всевышний! Мы вне себя от любви к Господу, мы хотели бы созвать друзей, собратьев, верующих, нищих, чтобы передать им наш опыт, который на самом деле несказуем (Пс 33:2 слл). Но сердце так полно Богом, что переливается словами: «Услышат кроткие и возвеселятся» (Пс 33:3), и все вкусят и увидят, как благ Господь (ср. Пс 33:9).

Разумеется, такое чувство не может быть привычным и повседневным, но порой оно нам посылается, и тогда мы должны принимать его с благодарностью и ни в коем случае не подавлять в себе. Давид словно хмелеет, когда видит Слово Божие в ковчеге, приближающимся к нему (2 Цар 6:14 слл); и Анна кажется пьяной, когда полная скорби говорит с Богом (1 Цар 1:9-18); пророки часто впадали в состояние радости. Оно дается не исключительно им одним, порой и у нас бывает подобное переживание. Конечно, мы не должны стремиться к нему как к цели; но если оно приходит, не следует его отгонять.

Затем наступает стадия восхищения и изумления, когда Слово, которое принесло нам радость, Слово, которое было у Бога и с Богом, отныне живет в нас и становится светом, путем, жизнью нашей души. Нам больше нет нужды громко вопиять; достаточно, чтобы это Слово бесшумно и мирно, как фимиам, вознеслось к небу. Это стадия неизреченных, невыразимых стенаний духа, которые нам едва заметны. Мы покоимся в Слове; это дух весь возно-

сится к Богу, возвышается и приходит в восторг. Здесь молитва становится верой более сильной и чистой, чем прежде, и ничего более. Для нас она как печеная лепешка, приготовленная для Илии во время его странствий по пустыне (3 Цар 19:5-8), как колодезь с водою в пустыне для Агари (Быт 21:19), как физическое присутствие Христа для Иоанна, припадшего к груди Его на Тайной Вечере (Ин 13:25).

Мирная беседа с Богом, без всяких иных желаний, кроме как оставаться близ Него. Присутствие и близость, которые становятся все молчаливее, как бывает между любимым и любящим на прогулке, когда в известную минуту, после разговора и вспышки радости от того, что они вместе, они просто идут рядом. Больше ничего не произносится, говорят только глаза и сердце. Так, все больше сближаясь с Богом, мы глубоко познаём Его мысль, видим, как сердце Его открывается в тексте, и предаемся Ему.

Гвиго II Картезианец завершал молитвенное чтение такой молитвой: «Ты преломляешь для меня хлеб Священного Писания, и, преломляя этот хлеб, Ты даешь мне познать Себя. И тогда чем больше я Тебя познаю, тем сильнее желаю познать Тебя, не только на поверхности слов, но в чувственном восприятии опыта. Молю об этом не ради заслуг моих, Господи, но ради милосердия Твоего. Каюсь, я — душа недостойная и грешная; но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Дай же мне залог будущего наследия, Господи, пошли мне хоть каплю небесного дождя, чтобы немного утолить мою жажду, ибо я сгораю любовью»⁶⁴.

Все это порой нелегко, и подобная молитва — не в порядке вещей; вот почему нужно прилежание в молитве, нужно стучаться, чтобы нам отворили, а еще лучше — дать Христу в тексте стучаться все громче, чтобы мы услышали голос Его и отворили дверь (ср. Отар 3:20).

И тогда Он входит, садится за стол с нами, не говоря ничего, ибо когда Он здесь, нам больше нет нужды слышать Его слово. Он Сам — Слово, ставшее плотью. Нам остается только созерцать Его на последней стадии молитвенного чтения — на стадии созерцания.

Созерцание — это не то, чего можно добиться собственными усилиями, не какое-то состояние, нежданно приходящее извне, но естественный зрелый плод того зерна, которое есть наше молитвенное чтение.

Конечно, Господь теперь уже с нами за столом. Мы стучались в молитву и вошли в созерцание. Тут и синергия, ибо и Он из текста стучался в наше сердце и вошел в самую глубинную и сокровенную часть нашего существа. Нам остается только глядеть и созерцать, как Мария из Вифании у ног Иисуса (Лк 10:38); и тогда, если мы отвлечемся, непременно послышится голос: «Учитель здесь и зовет тебя» (Ин 11:28). И каждая страница Писания открывает Христа и являет Его в молитвенном чтении. Он возвещает нам о Себе, повергая нас в изумление. Восхищение, удивление, изумление: вот что такое созерцание прежде всего. Взгляд Божий, который мы почувствовали на себе при молитвенном чтении, становится теперь нашим собственным глубинным взглядом, которым мы смотрим на мир и на других, открывая повсюду присутствие Божие. Созерцание — это не экстаз, не какой-то необыкновенный опыт; это обычная вещь — смотреть на Того, Кто «прекраснее сынов человеческих» (Пс 44:3), Кто «благ и благодетелен» (Пс 102:3 слл. и 118:68).

Это опыт веры, а не видения, ибо мы по-прежнему ходим светом веры, а не видением (ср. 2 Кор 5:7). Покрывало, скрывавшее от нас Писание, снято, потому что оно снимается Христом (2 Кор 3:14). Так мы приходим к созерцательному постижению, о котором говорит ап. Павел в Еф 3:16-17: Христос вселяется верою в сердца наши, и внутренний человек, то есть наше сердце, созерцает Его, видит Его очами веры. Созерцание, следовательно, не может быть плодом медитации, совершаемой с усилием и напряжением воли; оно — дар Того, кто просвещает очи наши, «очи сердца нашего» (Еф 1:18).

Мы приближаемся к тому постижению Бога, которого требовали пророки, и прежде всего Осия (6:6): «Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжения» (т.е. волевых действий). Иоанн из Фекана так описывает свой опыт: «Нет для духа моего радости большей, чем когда я возношусь к Богу единому, с кротким взглядом чистого сердца! Все смолкает, все успокаивается, сердце пылает любовью, в душе царит радость, память исполнена силы, а разум — света. И весь мой дух, пламенеющий желанием созерцать Твою красоту, ощущает восторг любви к невидимо-

• 65

му!» .

Созерцание должно нас приводить к восторгу перед благами невидимыми, как поется на Рождество словами Ап. Павла (2 Кор 4:18). Восторг веры, а не чувств, тем более не ощущений; восторг, в котором мы постигаем, отказываясь постигать, и до конца преда-

емся Богу. Не забудем, что главное при этом переходе от молитвы к созерцанию — вера, соединенная с любовью; вера, которая открывает нам славу, сияющую на лице Христа (2 Кор 4:6), любовь, которая обрывает наше стремление к глубокомыслию и напротив, заставляет нас сильнее желать, сильнее любить.

Медитация прекращается, и мы вступаем в созерцание, отбрасывая всякие мысли. По этому поводу Митрополит Антоний Сурожский замечает: «После того как медитация привела нас к созерцанию, становится излишним искать и думать. Глупо размышлять о Боге, когда мы в Его присутствии! Святые Отцы всегда остерегали нас от попыток подменять встречу с Богом мыслями о Боге»⁶⁶.

Тут мало что можно сказать. Только каждый из нас в состоянии измерять глубину созерцания, широту, глубину, долготу и высоту тайны Христа (ср. Еф 3:18). Здесь мы можем уже и не сознавать, что молимся, и тогда молитва наша совершенна. Св. Антоний Великий, отец монашества, справедливо говорил: «Молитва не совершенна, если монах сознает себя и сознает, что молится!». Всякий взгляд на себя самого становится невозможным, как и всякое ощущение молитвы: перед нами только лик Христа, и в Его свете мы созерцаем свет Бога, свет Отца. Тело наше существует, но мы не чувствуем его, и оно незаметно для нас преображается от славы к славе в образ Того, Кого мы созерцаем (2 Кор 3:18). Открытым лицом, как в зеркале, взираем мы на славу Христову и становимся с Ним одно. Молитвенное чтение, достигшее порога видения, становится эсхатологическим, готовит к тому последнему мигу, который есть пришествие Христа, когда созерцание обретает вечность. Молитва Слову приносит такой плод, который ускоряет конечное, последнее событие, и одновременно есть провозвестие его.

Верующему, имеющему такое постоянное общение со Словом, нет нужды напоминать, что ему остается только исполнить это Слово. Следующий раздел я хотел бы начать несколькими разъяснительными строчками, а назвать его мы могли бы, как дополнение к методу молитвенного чтения, так: «Исполняйте Слово, и будете свидетельствовать о Господе».

Но это бы выходило за пределы темы, которую мы для себя определили, и к тому же мы знаем, что Слово может (то есть способно) призывать, обращаться, действовать. Слушающий Слово должен стать исполнителем Слова (Мф 7:24; Иак 1:22). Только так он достигает той цели, которую поставил себе в молитвенном чтении: близости, соседства, общения с Богом. Мера этого общения, выраженная в человеческих понятиях, использованных Христом —

«братья», «сестры», «сыны», — зависит от исполнения воли Господней, от осуществления Слова Божия на деле, в любую минуту и при любых обстоятельствах (Мф 12:48-50).

Кесарии Арльский учил, что слушание Слова не может оставлять слушателя равнодушным. Слово Божие несет искупление или осуждение тому, кто его приемлет, как евхаристическое тело Христа (ср. 1 Кор 11:29). Он проповедовал: «Если кто не исполняет Слова на деле, то оно, подобно манне, рождает червей пожирающих». Так судит и разит меч обоюдоострый — Слово.

После того, как Слово возвещено и принято, сохранено, сложено в сердце так, как это делала Мария (Лк 1:38; 2:19, 51), нужно навещать ближнего, служить ему (ср. Лк 1:39-45). Истинное слушание Слова побуждает к делам, к тому, чтобы идти в мир навещать человека и стараться, чтобы в сердце его разыграл тот образ, который всегда отзывается на голос Создателя — своего оригинала, своего прототипа. Итак, мы должны стараться осуществить Слово применительно к каждому; так люди могут прославить Отца, Который Словом Своим производит в нас и хотение и действие (ср. Флп2:13).

Молитвенное чтение — не только школа молитвы, но и школа жизни. Здесь Бог зовет нас, говорит с нами, побуждает нас к ответному послушанию — для того, чтобы направить нас в мир, сделать из нас «посланцев», «миссионеров».

Подобный переход от молитвенного чтения к действию так описан у св. Амвросия: «Молитвенное чтение ведет нас к совершению добрых дел. Ибо как целью размышления над словами является запоминание их, дабы мы не забывали слов, о коих размышляли, — так размышление над законом, над Словом Божиим, склоняет и ведет нас к действию».

Заключение

Эти первичные замечания о молитвенном чтении Писания открывают возможность заново приобщиться к древнему как Церковь методу чтения, методу, который, в свою очередь, глубоко коренится в иудаизме.

Не думаем, что сказали нечто новое; мы просто вкратце напомнили о святоотеческой и монашеской традиции, которая превратила молитвенное чтение в истинный хлеб посредством действия Божиего, литургии Слова, молитвы.

Закончим таким наблюдением: нам представляется, что верующий, который следует этому методу, приспособливая его к себе

соответственно своим духовным особенностям, подобен иконописцу, каких мы узнали на Афоне и знаем рядом с нами. Писать икону — значит совершать видимую, переведенную в образы молитву Слову, ибо из рисунка, как из текста, понемногу является тот исполненный света и славы лик Христа, который нам видим в созерцании.

Во свете Божиим мы видим свет (ср. Пс 35:10). Бл. Августин толкует это так: «Бог говорит тайным образом, Он многое произносит в сердце: великий отзвук рождается в глубоком молчании сердца, когда Он громким голосом возвещает: Я — спасение твое». Молитвенное чтение помогает нам каждый день слышать этот звучащий в нас голос: «Я, Господь, — спасение твое!» (ср. Пс 34:3).

Примечания

1. *Св. Аверсий*, «Об обязанностях клириков», I, 20, 88.
2. *Сет. Иоанн Златоуст*, «Беседы о Прискилле и Акиле» (беседа I).
3. На современном этапе обновления религиозной жизни только нищенствующие монашеские ордена и XXXI Генеральная конгрегация Общества Иисуса открыто призвали к молитвенному чтению отцов Церкви.
4. RB 4.55-56; 48; 49,4.
5. *Св. Игнатий Антиохийский*, «Послание к Магнезийцам» VIII, 2 (следуя чтению, принятому в изданиях под редакцией Дж. Лайтфута и Дж. Хармера 1891 г. и Д. Буэно 1979 г.); см. *Его же* «Послание к Ефесянам» XIX, 1: «От князя мира сего укрылась девственность Марии и материнство Ее, так же, как и смерть Господа, сии три великих таинства, свершившихся в Божественной тишине», и *Там же*, XV, 1: «Един есть учитель, сказавший, и (все) соделалось, и то, что соделалось в безмолвии, достойно Отца».
6. *Бл. Августин*, «Изложение Псалмов», CXXXGX, 3; см. также L X1, 18.
7. *Бл. Иероним*, «Толкование на Псалмы», CXL VII; см. также *Его же* «Толкование на Екклесиаст», III, 13.0 соотношении Писания и Евхаристии см. также *Бл. Августин*, «Толкование на Евангелие от Иоанна», IX, 1-17; *Сет. Иоанн Златоуст*, «Беседы на книгу Бытия», VI, 2; *Руперт из Дейц*, «Толкование на Евангелие от Матфея», V, 6; *Ориген*, «Толкование на книгу Исход» XIII, 13. Этот последний текст, где Ориген комментирует Исх 35:4-5, заслуживает более полного цитирования: «Подумайте, воспринимаете ли вы и удерживаете ли внутри себя Божественные слова, опасаетесь ли, как бы они не ускользнули от вас и не пропали. Я желаю побудить вас к тому, чтобы вы старались удержать в себе слово Божие, сошлюсь же на пример из вашей церковной жизни: присутствуя постоян-

но при Божественных таинствах, вы знаете, с какой благоговейной бережностью вы принимаете тело Господне, подаваемое вам в причастии, вы боитесь и крошку уронить, дабы не утратить частицы освященного сокровища. Вы чувствуете вину — и не напрасно — если по нерадению вашему пропадает малая его толика. Когда же подобные предосторожности вы соблюдаете, принимая тело Господне, как можете вы помыслить, что небрежение Словом Божиим заслуживает наказания меньшего?»

8. *Св. Игнатий Антиохийский*, «Послание к Филадельфийцам», V, 1.

9. *Св. Иринеи Лионский*, «Против ересей», III, 18,1.

10. *Гуго из Сен-Виктора (Гуго Викторинец)*, «De arca Noe morali», II, 8 (PL 176,642 CD), в том же тексте далее: «...и потому, что читая Писание, мы ищем через познание деяний, слов и предписаний Христа того, что позволит счесть нас достойными исполнить Его повеления и получить обещанное Им» (PL 176,642 D).

11. *Бл. Августин*, «Исповедь», XI, 26,3-4.

12. *Ориген*, «Commentariorum in Matthaeum series» 85 (комментарий на Мф 26:26 и сл.; PG 13, 1734 AB).

13. *Свт. Григорий Назианзин*, «Молитва», XL V, 16.

14. *См. Ориген*, «In Evangelium secundum Matthaeum», XIV, 6.

15. *Преп. Нил Синайский*, «Послания», III, 295.

16. *Ориген*, «In Canticum Cantorum Нот.» 1,7 (SC 37 bis, 95). Отметим все же, что эти слова исходят из уст Церкви: «Я, Церковь, я, невеста, я, непорочная, поставлена стеречь виноградник сынами матери моей [то есть синагоги], некогда боровшимися со мной [подразумевается св. апостол Павел]». Но известно, что для Оригена «Церковь — это собрание святых. Она есть единая личность, образованная собранием всех» («In Canticum Comm.» I: Pg 13,84 C). И в том же комментарии Ориген говорит: «невеста, то есть Церковь или устремленная к совершенству душа» («In Canticum Comm.» III: PG 13,159B). Так от Церкви он переходит к верующей душе: «И ты, следовательно, будучи Церковью, обрати свои слова к дочерям Иерусалима» («In Canticum Cantorum Нот.» 1,6 (SC 37 bis, 91). Почему Ориген и может призвать: «Созиждем и мы святилище Господу, все вместе и каждый по отдельности. Святилище сие есть Церковь, святая, без пятна и без изъяна...» (In Exodim, IX, 3: SC 16,211).

17. *Св. Бернард*, «In Cantica Serm.» LVII, 3 (PL 183,1051 B); см. также «In Cantica Serm.» LXVIII, 1 (PL 183,1108 C): «Невеста это мы», и прекрасное заключение к проповеди XII, где Бернард переходит от Церкви к душе, к обоим прилагая слово «невеста».

18. *Свт. Иоанн Златоуст*, «Толкование на Послание к Ефесеянам», VI, 21, 1-2.

19. *Сет. Иоанн Златоуст*, «Толкование на Евангелие от Матфея», 11,5.

20. *Сет. Иоанн Златоуст*, «Толкование на Евангелие от Матфея», V, 1.

21. *Сет. Иоанн Златоуст*, «Толкование на книгу Бытия», VI,2. См. канон 19 Трулльского собора: «Пастыри церкви должны наставлять народ ежедневно, но особенно по воскресеньям; они должны также толковать Писание, исходя из толкований Отцов».

22. Об иудейских корнях и практике Отцов Церкви, см. статью «*Lectio divina et lecture spirituelle*» в «*Dictionnaire de Spiritualite*», t.IX, coll. 470 и сл.; см. кроме того *P. Lenhardt, A. C. Avril*, «*La lettura ebraica della Scrittura*», Bose, 1989.

23. *Ж. Леклерк*, «Гуманистическая культура и упование на Бога». В «*La lectio divina du XIeme au XIVeme siecle*» (*Studia Monastica* 8 [1956], 267-293), Леклерк показал, что в монастырях противились схоластической культуре. Но он подчеркивает, что, судя по подавляющему большинству известных писаний, монахи сохранили постоянство в представлениях о человеческой жизни прежде всего, затем о христианской жизни и, наконец, о собственно монашеской жизни. Их ведение жизни и человеческой деятельности соотносились с видением домостроительства спасения в целом. Вопрос, следовательно, не в методе, а в таком целостном взгляде на жизнь, который формировался бы исходя из молитвенного чтения. Впоследствии такой взгляд был исследован у Ф. Ванденбрука. Уже в недавнее время Г. Р. Эванс со своей стороны показал, исходя из схемы *чтение — обсуждение — проповедь*, что Бернард, «экзегет» Библии и знаток «техники» толкования, подчиняет ее единственной цели: «добиться того, чтобы каждый читатель или слушатель Слова Божия воспринял духом Божественное просвещение» («*Lectio, disputatio, praedicatio: St. Bernard the Exegete*», в *Studia Monastica* 24 [1982], 127-14 и особенно 143-145).

24. См. напр. *Gu de Valu*, «*Le monachisme Clunisien des origines au XVeme siecle*» Paris 1970, 327 и сл. Молитвенное чтение присутствует и практикуется, но акцент делается на чтении псалмов и литургии. Отсюда развитие так называемого «духовного чтения»: см. в этой связи статью: «*Lectio divina et lecture spirituelle*» (см. примеч. 22), а также замечания Ж. А. Винеля: «Духовное чтение не соответствует практике молитвенного чтения..., его цель отличается от целей молитвенного чтения. Предполагается, что только молитва дает единение с Богом, чтение же служит трамплином, средством наставить душу, напитать ее или помочь ей сосредоточиться. В средние века выражение «*lectio divina*» означает чтение Писания в большей гармонии со всей повседневной жизнью, и особенно в

гораздо более непосредственной связи с опытом общения с Богом» («La lectio divina», в «Vie consacrée» 54 [1982], 289-290).

25. Второй Ватиканский собор, Конституция «О Божественном Откровении» 25.

26. См. текст в приложении. Гвиго II не первый и не единственный автор такого рода в средние века, но заслуга его в том, что, выделив четыре ступени, он дал наилучшую их систематизацию. Идея соединения молитвы с чтением проходит через всю традицию, от Оригена до бл. Иеронима; тройственная формула *чтение — медитация — молитва* использовалась более широко, особенно у цистерцианцев. Но независимо от количества ступеней, одно неизменно, как верно подчеркивает Ж.А. Винель: «Эти три или четыре ступени составляют единый путь. Они так тесно сопряжены между собой, что иной раз кажется, будто один термин употребляется взамен другого. Никогда ранняя аскеза не систематизировала медитацию или молитву до такой степени, чтобы требовать определенной последовательности мыслей или чувств, причем заранее установленной». Сам Гвиго различает четыре ступени, уточняя, что это разделение не жесткое, что все ступени объединены общим движением, так что все выделенные уровни пересекаются и влияют друг на друга... Правда, молитвенное чтение требует особого подхода и отношения, но выделенные уровни не связаны логической последовательностью и не имеют сколько-нибудь определенных границ. Молитвенное чтение предполагает различные степени приближения «главным образом благодаря тому, что имеет глубинную цель: единение с Богом» (там же, 290-291). Возможно, это не столь верно в отношении трактата «De meditatione» Гуго Викторинца, предшествующего по времени: для трактата характерны интеллектуальный тон и повышенный интерес к морали, этап «медитации» выделяется как ценный сам по себе, причем как одна из пяти ступеней: «чтение—медитация — молитва — делание — созерцание». Чрезвычайно показательно, что объектом медитации является уже не только Писание (II часть), но главным образом «творения» (I часть) и затем «нравы» (III часть).

27. Гвиго, «Письма о жизни созерцательной», 3.

28. Симеон Новый Богослов, «Молитва XV, «О Священном Писании». «В самом деле, другие писания могут быть поняты и восприняты читающими, но писания Божественные, говорящие о спасении, нельзя ни понять, ни сохранить в себе без просвещения Духом Святым».

29. Сет. Григорий Великий, «Беседы на пророка Иезекииля», VII, 11 (PL 76,846 AB).

30. Вильгельм (Гийом) из Сен-Тьерри, «Epistola ad fratres montis Dei» 121 (SC 223,239).

31. *P. Y. Emery*, «La meditation de ГЕсгтдре», Fr. Franois et Fr. Pierre-Yves, ((Meditation de l'Ecriture et Prieres des Psaumes», Bellefontaine 1975, 17.

32. *Бл. Августин*, «Изложение Псалмов», LXXXV, 6.

33. *Св. Амвросий*, «Введение в 118 Псалом» VI,8 (PL-15,1270 B); «Tota intendat in verbo» (так в издании под ред. L. F. Pizzolato, «Commento al Salmo» CXVIII/I, Milano — Roma 1987,246. Другое чтение: «in verbum»). И Амвросий продолжает: «внезапно человеку слышится голос Того, Кого он, однако, не видит. И вдруг глубинным чувством он как будто обоняет благоухание Его божественности. Ощущение это часто испытывают те, которые имеют живую веру».

34. *Кесарий Арльский*, «Беседа 78», 2 (CCSL 103,324).

35. *Бл. Августин*, «О Троице», XV, 2, 2 (PL 42,1057 и сл.).

36. *Вильгельм (Гийом) из Сен-Тьерри*, «Epistola ad fratres montis Dei» (SC 223,239).

37. *Бл. Иероним*, «Послание к Евстахию» XXII, 25 (PL 22,411).

38. *Вильгельм (Гийом) из Сен-Тьерри*, «О Песне песней», 1,28 (SC 82,109).

39. *Петр Дамиан*, «Жизнь св. Ромуальда», XXXI (PL, 144,982 и сл.).

40. *Свт. Григорий Великий*, «Беседы на пророка Иезекииля», I, 10,11.

41. *Бл. Иероним*, «Толкование на пророка Иезекииля», XII (PL 25,369 D).

42. «Nom enim verba a te querit Deus, sed cor» — *Бл. Августин*, «Изложение Псалмов», CXXXIV, 11.

43. *Бл. Августин*, «Изложение Псалмов», X, 8.

44. См. «Serie alfabetica», Rambo 7.

45. *Кассиан*, «Сопоставления», XIV, 10 (PL 49,970 B).

46. *Бл. Иероним*, «Послание к Евстахию», XXII, 17 (PL 22,404).

47. *Петр Достопочтенный*, «О чудесах», I, 20 (PL 189,887 A).

48. *Бл. Иероним*, «Послание к Азелле», XIV, 2 (PL 22,481).

49. *Исидор Севильский*, «Мысли», III, 8,2-3 (PL 83,679 B).

50. *Св. Амвросий*, «Введение в 118 Псалом», XIII, 7. Контекст дает конкретный образ, поясняющий мысль Амвросия: «Размышляй весь день над Законом: просто проглядеть его недостаточно. Ведь когда ты хочешь купить поле, когда ты торгуешь дом, ты зовешь опытного человека, изучаешь с ним положения закона, и, опасаясь впасть в ошибку, не полагаешься на себя одного. Так вот, тут речь идет о том, чтобы приобрести тебя. Обсуди же, какова твоя цена! Размысли, чего ты хочешь, каково твое имя, и какую получишь прибыль! Не поле получишь, не деньги, не драгоценности, но Иисуса Христа, Который дороже всякой цены, более всякой щедрости». Об этом толковании св. Амвросия см. *D. Gorce*, «L'usage de la

«Sainte Ecriture d'apres (d'Expositio in psalmum 118» de saint Ambroise» в «La vie Spirituelle» 8 (1923), 616-641.

51. *Гильом Фирмат*, «Esortazione» в «Analecta Monastica», seconda serie, Roma 1953, Studia Anselmiana 31,43, строки 397-404.

52. *Кассиан*, «Conlationes» XIV, 11 (PL 49,972 B).

53. «Leggenda del beato Francesco da Siena», в «Monumenta Ordinis Servorum S. Mariae». Публикация начата в 1897 и прекращена в 1930 г., V, Bruxelles, 26.

54. Там же.

55. *Вильгельм (Гийом)* из Сен-Тьерри, «Epistola ad fratres montes Deb 121-122 (SC 223,239-241).

56. *Св. Пахомий Великий*, «Устав», 122.0 медитации над Писанием, важной составляющей духовности Пахомия, см. «Racomio e i suoi discerpoli: regole e scritti», Bose 1988,89.

57. *Свт. Василий Великий*, «Послания», II, 4.

58. Анонимное сочинение для послушника, на него ссылается Леклерк (см. примеч. 23).

59. См. *U. Occhialini*, ((Francesco d'Assisi», в AA.VV., «Pregare la Bibbia...».

60. *Гюго*, «Письма о жизни созерцательной», 5.

61. Извлечение из ((Analyse de la priere», см. «La priere, Cahiers de la Pierre-qui-Vire», 1954, 159-160.

62. *Бл. Августин*, «Изложение Псалмов», XXIX, 16.

63. *Бл. Августин*, «Изложение Псалмов», LXXXV, 1: «Noli aliquid dicere sine illo, et non dicit aliquid sine te».

64. *Гюго*, «Письма о жизни созерцательной», 6.

65. См. «Un maitre de la vie spirituelle au Xleme siecle, Jean de Fecamp», Paris 1946, 142.

66. *Антоний, митрополит Сурожский*, «Молитва и святость», рукопись, экземпляр которой имеется у автора данной книги. См. также *Л. Буйе*, «Введение в духовную жизнь»: «Если молитвенное чтение это нечто, достойное сего имени, созерцание не будет по отношению к нему чем-то внешним; наоборот, молитвенное чтение — это невидимая движущая сила веры и увенчание любви к этой вере».

МОЛИТВА СЛОВУ

РУКОВОДСТВО к МОЛИТВЕННОМУ ЧТЕНИЮ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

1. Проси Духа Святого

Прежде чем приступить к чтению Писания, ПОМОЛИСЬ Духу Святому, чтобы Он снизошел на тебя, «открыл очи сердца твоего» и дал тебе узреть Лик Божий не в ведении, но в свете веры. Молись с уверенностью, что будешь услышан, ибо Господь всегда посылает Духа Святого тому, кто Его призывает со смирением и кротостью. Если хочешь, молись так:

Боже наш, Отец света, Ты послал в мир Сына Своего, Слово, ставшее плотью, дабы явить Себя нам, людям.

Ниспосли ныне Духа Твоего Святого на меня, чтобы я мог встретить Иисуса в слове, исходящем от Тебя, чтобы я мог познать Его лучше, а познав, полюбить сильнее и так достичь блаженства Царствия Твоего. Аминь.

2. Возьми Библию, читай

Перед тобой Библия; это не просто какая-то книга, но книга, содержащая Слово Божие: через нее Бог сегодня желает говорить с тобой, с тобой лично.

ЧИТАЙ внимательно, медленно, несколько раз этот текст — отрывок из сборника текстов или из Библии, — читай подряд, стараясь УСЛЫШАТЬ ЕГО всем сердцем, всем разумом, всем существом. Тишина снаружи, тишина внутри должны сопровождать твое чтение и помогать тебе слушать.

3. Ищи через медитацию

РАЗМЫШЛЯЙ РАЗУМОМ, просвещенным светом Божиим, над этим текстом. Бери себе в помощь время от времени «Симфонию», святоотеческие, духовные, экзегетические комментарии, стараясь постичь «написанное» во всей его глубине и широте. Пусть твои умственные способности отступят перед волей Божией, перед Его вестью; не забывай, что Библия — особая книга, и

потому ИСТОЛКОВЫВАЙ ПИСАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ПИСАНИЯ, неизменно ищи Христа умершего и воскресшего — средоточие всякой библейской страницы и всей Библии. ^Закон, пророки, апостолы всегда говорят о Нем. ПЕРЕЧИТЫВАЙ текст время от времени, ища в себе глубокий отзвук его смысла. СЛАГАЙ слова в сердце своем и применяй к себе, к своему положению то, что сказано в тексте, не путаясь в сетях психологизма и не доходя до копания в собственной совести. Дай Слову изумить, увлечь тебя. Гляди на Христа, отражай Христа в себе и не слишком разглядывай самого себя: Он тебя преображает.

4. Молись Господу, Который говорил с тобой

А теперь, исполнившись Слова Божия, ГОВОРИ с Господом твоим, или, вернее, ОТВЕЧАЙ Ему, тем побуждениям, внушениям, требованиям, возвещениям, призывам, которые ОН обратил к тебе в Своем Слове, воспринятом в Духе Святом.

Молись искренне, доверчиво, не отвлекаясь, не впадая в многословие. Настал час ХВАЛЫ, БЛАГОДАРЕНИЯ, ЗАСТУПНИЧЕСТВА. Не задерживай взгляд на себе, но устремив его на Лик Господа, познанный во Христе, следуй за Ним, не оборачиваясь, высвободив свои творческие способности, свою восприимчивость, возбудимость, воображение, и поставь их на службу Слову, повинаясь Богу, Который говорил с тобой.

5. Созерцай... созерцай...

В союзе с Господом старайся на все смотреть Его глазами: на себя самого, на других, на события, на историю, на всех тварей земных. СОЗЕРЦАНИЕ — ЭТО ВИДЕНИЕ ВСЕГО И ВСЯ ОЧАМИ БОЖИИМИ. Если ты все видишь и судишь очами Божиими, ты познаешь покой и прежде всего обретишь умение чувствовать и мыслить сообразно величию Божию. Всё — благодать, и всё видится в свете Богоявления — откровения любви Божией.

НАСТАЛ ЧАС, КОГДА ПРИХОДИТ СЛОВО... неизъяснимо, невыразимо, для каждого по-разному, но это пережито каждым...

Господь вливает в твое сердце некую неспособность продолжать думать, рассудочно размышлять над Его Словом, и дает тебе каким-то образом причаститься пламени общения и любви, что превыше всего, что по ту сторону и «сказанного», и молчания...

6. Сохрани Слово в сердце своем

Воспринятое Слово СЛОЖИ В СЕРДЦЕ СВОЕМ, как Мария, владычица слушания. ХРАНИ, БЕРЕГИ, ПОМНИ воспринятое

Слово. Обращайся к нему в разные часы дня, вспоминая об отрывке, над которым молился, или просто вызывая в уме какой-то стих. Это ВОСПОМИНАНИЕ О БОГЕ может собрать воедино твой день, твой труд, отдых, общение с людьми, одиночество. Оживи семя Слова, брошенное в тебя, если тебе кажется, что ты задремал, и оставайся бодрствующим, чтобы Слово сопровождало тебя весь день.

7. Не забывай, что слушать — значит повиноваться

Если ты действительно услышал Слово, то должен осуществить на деле в мире, среди людей, среди братьев то, что Бог тебе сказал. СЛУШАТЬ ОЗНАЧАЕТ ПОВИНОВАТЬСЯ, а потому принимай практические решения, исходя из своего призвания и положения среди людей, неизменно уступая Слову первое и главное место в твоей жизни.

ПРИНИМАЙСЯ ЖЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕ СЛОВА БОЖИЯ, чтобы не покарал тебя Тот, Кто будет судить тебя не за то, что ты услышал, но за то, сколько ты осуществил на деле во всей своей жизни — личной, общественной, профессиональной, политической и церковной. Дело, которое тебя ожидает, — это верить и через веру явить в себе ПЛОД ДУХА: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание» (Гал 5:22). И познаешь великую радость любви — милосердие.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОВЕТЫ В ПОМОЩЬ «МОЛИТВЕ СЛОВУ»: ДВА ПИСЬМА

I. Письмо брата Энцо, настоятеля общины Бозе, к брату Джованни

Дорогой Джованни,

по меньшей мере каждое воскресенье, а то и каждый день во время литургии, в которой ты участвуешь со своими братьями и сестрами в местной церкви или в своей общине, ты слушаешь чтение Писания и затем приемлешь в дар проповедь, толкующую и связывающую с нынешним днем те тексты, что были тебе предложены. Так ты оказываешься перед живым и действенным Словом Божиим, которое звучит в тебе, в присутствии Самого Господа, в присутствии Христа, Который словно сеятель бросает в тебя семя Своего Слова.

Стол накрыт: тебе даны хлеб Слова и хлеб Евхаристии, чтобы в твоём странствии на пути из этого мира к Отцу ты мог питаться и поддерживать силы, вкушая эти яства, предложенные на дорогу тебе, больному и усталому члену народа Божьего, Тем, Кто тебя питает, утешает, укрепляет.

Ноты, без сомнения, пожелаешь повторять этот главный опыт христианской жизни повседневно, в одиночестве своей комнаты или общаясь в беседе с братьями и сестрами, которые даны тебе в хранители и спутники.

Конечно, ты не сможешь понять и усвоить Писание, полагаясь на самого себя и на собственные слабые силы; чтобы добиться истинно плодотворного чтения, в ходе которого Слово Божие совершит в тебе то, чего ты совершить не можешь, нужны определенные условия, определенные предпосылки; они позволят тебе читать в вере Христовой, принимать дары Духа Святого и созерцать Бога Отца.

Итак, чтение в Духе Святом, молитва с помощью Библии.

1. Молитвенное чтение — опыт Израиля и Церкви

Уже в древнем домостроительстве Израиля народ Божий молился с помощью Слова и слушал Слово в молитве. Описание подобного действия общины можно найти, читая восьмую главу книги Неемии. Такой метод, предусматривающий чтение, толкование и молитву, стал классическим иудейским методом молитвы, унаследованным также и христианством (ср. 2 Тим 3:14-16), методом, который не описан, но засвидетельствован в разных местах Нового Завета.

Многие поколения христиан продолжали молиться таким образом, не впадая в небиблейское благочестие, которое не признает абсолютного господства Слова в молитвенной жизни Церкви. Все Отцы Церкви, как восточные, так и западные, пользовались этим методом молитвенного чтения, побуждали верных делать то же у себя дома и оставили нам свои замечательные комментарии к Питанию — главный плод такого чтения.

Что же сказать о монахах? Они сделали этот метод средоточием своей жизни в пустынях и монастырях, называя его монашеской аскезой, своей повседневной пищей, уверенные, что «не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа» (ср. Втор 8:3 и Мф 4:4). В какой-то момент возникла потребность закрепить этот метод письменно, так, чтобы помочь новообращенным обрести Слова в Духе, Который не только освящает, но и обоживает.

Ориген, предлагавший соединить Божественное назидание с учением раввинов, бл. Иероним, сочетавший чтение с молитвой, преп. Кассиан, описывавший медитацию, Гвиго П Картезианец, указывавший на подобное чтение как на «лестницу Рая» для монахов, св. Бернارد, воспевавший его как мед для «сердечного неба», Вильгельм из Сен-Тьерри в «Золотых письменах» и множество других разработали понятие молитвенного чтения, побуждая верующих следовать ему как золотому пути диалога и неизреченной беседы с Богом.

К 1300 году этот метод напитал верой целые поколения, и еще св. Франциск Ассизский постоянно им пользовался. Но затем, во времена позднего средневековья, становится заметным искажение молитвенного чтения путем привнесения в него толкования и исследования.

Молитва Слово будет пребывать отныне в небрежении целые столетия, благоприятствовавшие «новому благочестию» и медитации «по Лойоле», — молитве более интроспективной и психологи-

зированной. Только в монастырях и у марианцев этот метод будет сохранен в неприкосновенности; его новое явление совершится в постановлении Второго Ватиканского Собора (Dei Verbum 25):

«Необходимо, чтобы все пребывали в постоянном общении с Писанием посредством молитвенного чтения, посредством прилежной медитации и помнили, что чтение должно сопровождаться молитвой».

Несомненно, такая форма слушания Библии и молитвы с ее помощью не была утрачена на протяжении веков по воле Святого Духа.

2. Место для молитвенного чтения

Итак, когда ты вознамеришься предаться такому молитвенному чтению, прежде всего ищи уединенного и тихого места, где бы ты мог втайне молиться Отцу, дабы созерцать Его.

Не забывай никогда, что место, где ты можешь наслаждаться присутствием Бога, — это келья, твоя комната (ср. Мф 6:5-6). Здесь поистине место борения твоего сердца, та пустыня, где и Иисус молился и подвергался искушениям (ср. Мк 1:12 и 35; Мф 4:1-11), место, где Бог влечет тебя к Себе, дабы говорить к сердцу твоему и осыпать тебя дарами, превращая бездны страха в твоем сердце в долины и врата надежды (ср. Ос 2:16-17). Так, в уединенном месте, обновится твоя духовная юность, ты сможешь петь Господу твоему, Супругу души твоей, и чувствовать, что ты принадлежишь только Ему и что ты в мире со всеми людьми и со всякой тварью одушевленной и неодушевленной (ср. Ос 2:13-25).

Итак, комната, уединенное место, должна стать для тебя святилищем, где Бог смиряет твою гордыню и испытывает тебя Своим Словом, но тем самым и наставляет, утешает, питает тебя. Разумеется, ты почувствуешь присутствие врага, который будет склонять тебя к бегству, делать одиночество тягостным для тебя, отвлекать твоими привычками и занятиями, который будет **соблазнять** тебя тысячами мирских помыслов; не падай духом, не отчаивайся и будь стойким в единоборстве с дьяволом, ибо Господь близок, и Он не просто смотрит, как ты борешься, но борется вместе с тобой. Если хочешь, возьми себе в помощь икону, горящую свечу, крест, циновку для коленопреклонения и молитвы: не бойся пользоваться этими предметами, но не поддавайся, однако, моде и эстетству; они призваны напомнить тебе, что ты не изучаешь Библию и не читаешь слова, но стоишь перед Богом, готовый слушать, беседуя с Ним.

Если придет к тебе искушение бежать — побори его; даже если ты выбьешься из сил в безмолвии, побори и безмолвие: ты должен обрести привычку к часам одиночества, тишины, удаления от окружающего и от своих братьев, если хочешь встретиться с Богом в личной молитве.

3. Час тишины: Господь говорит

Старайся, чтобы место и час для молитвенного чтения способствовали бы внешней тишине — необходимой предпосылке тишины внутренней.

Учитель здесь и зовет тебя (ср. Ин 11:28), и чтобы слышать Его голос, ты должен заставить умолкнуть другие голоса; чтобы слушать Слово, ты должен приглушить слова. Есть часы, более подходящие для тишины, чем другие: среди ночи, ранним утром, вечером... Выбирай сам согласно своему рабочему распорядку, но придерживайся одного и того же времени и определи его в твоём расписании раз и навсегда. Недостойно встречаться с Господом, когда у тебя выпадает свободная минутка и ты можешь заполнить ее молитвой, словно Господь у тебя «натретье». И никогда не говори: «У меня нет времени», потому что тем самым ты объявляешь себя идолопоклонником: ты господин своего времени, а не раб его!

Итак, окружи себя тишиной и размерь свою жизнь часами чтения. Ты знаешь, что молиться нужно всегда, непрестанно (ср. Лк 18:1-8 и 1 Фес 5:17); но ты знаешь также, что нужно определенное, особое время для явной, видимой молитвы, чтобы поддерживать память о Господе в течение всего дня. Ты любишь Господа или стремишься Его любить? Тогда снизойди посвятить Ему то время, которое ты обычно без напряжения посвящаешь своей супруге, своему мужу, своим родным и друзьям.

И не забывай, что время для чтения должно быть достаточно долгим, а не каким-то обрывком мгновения. Ты должен пребывать в покое и мире; несколько минут для этого, конечно, недостаточно. Для чтения Писания нужно не меньше часа, говорят Отцы...

Сколько слов ты выслушиваешь в течение дня! Сколько прочитываешь! Как бы слова не задушили Слово: за этим ты тоже должен следить. Если мирских слов множество, как может на деле Слово первенствовать среди них? Ежедневные, пунктуально исполняемые занятия молитвенным чтением вовсе не освобождают тебя от обязанности проверять соотношение между Словом и словами. Эти последние своим качеством и количеством могут заглушить Божественный голос и не позволить ему возрасти в тебе и

дать свои плоды (ср. Мк 4:13-20). Какой вообще смысл читать, питаться мирскими рассуждениями, предаваться чтению, оставляющему глубокий нечистый след в сердце, — а потом делать вид, будто живешь Словом, исходящим из уст Божиих? Если ты не будешь следить за соотношением Слова и слов в своей жизни, то обречен оставаться любителем, дилетантом, так и застрявшим на обочине пути истинного посвящения.

4. Сердце мудрое и разумное

Если Бог призвал тебя к молчаливому одиночеству в час беседы, то это для того, чтобы говорить с твоим сердцем.

В Библии сердце — средоточие, вместилище умственных способностей человека, самые глубинные недра личности. Стало быть, сердце — важнейший орган молитвенного чтения, потому что оно — то центральное ядро, обитая в котором, каждый человек выражает свою личную неповторимость.

Но ты знаешь, что сердце может быть необрезанным (Втор 30:6 и Рим 2:29), каменным (Иез 11:19), разделенным (Пс 118:113 и Иер 32:29), помраченным (Плач 3:65); все эти выражения обозначают сердце далекого от Бога человека, которого не коснулась вера. Сердце верующего может иной раз быть отягчено объединением и пьянством и заботами житейскими (Лк 21:34), может быть очерствевшим, пораженным склерозом до такой степени, что не распознаёт и не разумеет слов и дел Господних (Мк 6:52 и 8:17), может быть переменчиво, непостоянно и оттого способно забывать и искажать Слово (2 Пет 3:16 и Лк 8:13). Сердце может быть таким, если всасывает свои соки из плоти, из главенства идеологии, из гордыни, которая есть большой грех. Ты же, приуготовляясь слушать Бога, возьми свое сердце в руки, вознеси его к Богу, чтобы Он сделал его плотью единой, цельной и чистой. Только если оно станет как сердце ребенка, то сможет принять дары Божий (Мк 10:15).

Только если оно — сердце, обновленное Господом, открытое, и готовое слушать! Господь обещал сотворить новое сердце тому, кто Его призывает (Иез 18:31), приклонить его к откровениям Своим, если оно предстает перед Ним в сознании собственной корыстности (Пс 113:36). Всякий день Он взывает: «О, если бы вы послушали гласа Моего! Не ожесточайте сердец ваших!» (Пс 94:8 и Евр 3:7). Жестокому сердцу Слово Божие кажется жестоким, это может случиться и с верующими: «Какие странные слова! Кто может это слушать?» (Ин 6:60). Тогда проси у Господа сердца мудрого, серд-

ца разумного, слушающего (евр. *leb shomea*), как мудрый Соломон просил у Господа своего (3 Цар 3:5 и слл.)

Когда творишь молитву Слову, помни притчу о сеятеле, в которой Господь является как сеющий Свое Слово. Ты поистине земля: либо каменистая, либо дорога, открытая всякому проходящему, либо тернистая, либо добрая. Слово должно падать в тебя как в добрую землю, и будешь как «те, которые услышавши слово, хранят его» в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (ср. Лк 8:15).

В сердце чистое, единое, цельное нисходят Отец, Сын и Дух Святой, сотворяя в нем обитель для совершения молитвенного чтения (Ин 14:23 и 15:4).

Сердце сотворено для Слова, а Слово — для сердца: помоги веселию, воспетому в Пс 118:111, где Его Слово становится твоим и сердце твое поет, ибо становится Его сердцем.

Тогда твое сердце станет сердцем ученика, послушного Богу, способного бессловесно переживать Слово, поистине сидящего у ног Христа и готового Его слушать, как Мария из Вифании (Лк 10:39), умеющего хранить и слагать слова в сердце, как Матерь Господа (Лк 2:19 и 51).

«Горе имеем сердца!» — поется в литургии перед Евхаристическим канонам; «горе имеем сердца!» — следует воскликнуть, приступая к молитвенному чтению Писания.

5. Призови Духа Святого

Возьми Библию, приблизь ее к себе с благоговением, ибо она — тело Христово, сотвори эпиклезу, призывание Духа. Это Дух вел при рождении Слова, это Он дал ему говорить и писать через пророков, мудрецов, Иисуса, апостолов, евангелистов, это Он даровал его Церкви и позволил ему дойти в неприкосновенности до тебя.

Слово внушено Духом Святым и только через Духа Святого может быть понято (ср. *Dei Verbum* 12). Приготовь все, чтобы Дух снизошел на тебя (Гряди, Дух Животворящий!) и Своей силой снял пелену с твоих глаз и ты узрел бы Господа (Пс 118:18 и 2 Кор 3:12-16). Дух животворит, а буква без Него убивает! Тот Дух, что снизошел на Деву Марию, осенив ее Своей силой, и зачал в ней Логос, Слово, ставшее плотью (Лк 1:34), тот Дух, что сойдя на апостолов, наставил их на всякую истину (Ин 16:13), должен сотворить то же и с тобой: зачать в тебе Слово, дать тебе причаститься полноте истины. Духовное чтение означает чтение в Духе Святом и с Духом

Святым того, что внушено Духом Святым. Жди Его, ибо хотя Он и замедлит, но не отменится (Авв 2:3). Положись на слово Христа: «Если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Лк 11:13).

Ты услышишь в себе Его действенное слово: «Еффафа, отверзись!» и почувствуешь, что ты уже не один с библейским текстом, ты обрел Спутника: подобно тому ефиоплянину, что читал Исайю, но не разумел, пока не пристал к его колеснице Филипп, который с помощью Духа Святого, обретенного в Пятидесятницу, разъяснил ему текст и переменял сердце его (ср. Деян 8:26-38); подобно ученикам, которым воскресший Господь отверз ум к уразумению Писаний (Лк 24:45).

Без эпиклезы молитвенное чтение остается человеческим занятием, упражнением ума, в лучшем случае — усвоением знаний, но не божественной Премудрости; такое неумение распознать тело Христово означает чтение в осуждение себе (ср. 1 Кор 11:29).

Молись как можешь, как Господь тебе даст, но молись и так:

«Боже наш, Отец света, Ты послал в мир Свое Слово, Премудрость, исшедшую от уст Твоих, которая обрела власть надо всеми народами земли (Сир 24:6-8).

Ты пожелал, чтобы она поселилась в Израиле и чтобы через Моисея, пророков и псалмы (Лк 24:44) явила волю Твою и говорила о Мессии Иисусе. Ты пожелал, наконец, чтобы Сам Сын Твой, вечное Слово, что было у Тебя, стало плотью и обитало среди нас (Ин 1:1-14), рожденное от Марии и зачатое Духом Святым (Лк 1:35).

Ныне ниспошли на меня Духа Святого, чтобы даровал Он мне сердце разумное (3 Цар 3:5), дал мне встретиться с Ним в этом святом Писании и зачал Слово во мне. Твой Дух Святой снимает покрывало с глаз моих (2 Кор 3:12-16), наставляет меня во всякой истине (Ин 16:13), Он даст мне мудрость и терпение.

Молю Тебя, Отче, об этом во имя Христа Господа нашего, который благословен во веки веков. Аминь!»

В этой твоей вступительной молитве бери себе в помощь прежде всего Псалом 118, псалом слушания Слова. Это псалом молитвы Слову, беседа Возлюбленного с Любящим, верующего с его Господом!

6. Читай...

Открой Библию и читай текст: никогда не выбирай его к случаю, потому что от Слова Божия нельзя отщипывать по кусочку. Следуй сборнику литургических чтений и бери тот отрывок, который предлагает тебе Церковь, либо читай какую-нибудь книгу Библии от начала до конца, подряд.

Кроткое следование сборнику или библейской книге очень важно для повседневного послушания, для непрерывности чтения, для того, чтобы не впасть в субъективизм, выбирая тот отрывок, который тебе нравится или кажется нужным. Этому железному правилу ты должен быть верен.

Можешь выбрать и книгу, указанную церковной традицией для определенного литургического цикла или один из текстов сборника на будни. Не гонись за количеством: более чем достаточно одной страницы, главы, нескольких стихов! А если ты занят чтением праздничных текстов, помни, что первое и третье чтения (Ветхий Завет и Евангелие) идут совместно, и на обоих ты зван молиться. Сборник текстов на праздники — истинный подарок, он составлен с особой духовной мудростью; сборник же текстов на будни более фрагментарен; если это создает для тебя сложности, тогда лучше заняться чтением выбранной книги подряд, с начала до конца.

Читай текст не один раз, но много раз и вслух. Если у тебя есть такая возможность, читай тексты в подлиннике, по-древнееврейски и по-гречески; если нет, довольствуйся переводом.

Если тебе позволяет интеллектуальная подготовка, пользуйся Септуагинтой или Вульгатой; это святыя переводы, почитаемые Церковью на протяжении веков.

Если ты знаешь отрывок почти наизусть и возникает искушение прочесть его наскоро, не бойся прибегнуть к средствам, которые предотвратят такое торопливое и поверхностное чтение: пиши и переписывай текст! Один мой друг, монах, экзегет, пользующийся международной известностью, признавался мне, что для молитвенного чтения он переписывает текст и часто пробует его повторить, чтобы проверить разницу между тем, что он запомнил, и тем, что написано. Читай не одними глазами, но будь предельно внимателен и старайся запечатлеть текст в своем сердце.

Читай параллельные места, те, к которым отсылают сноски на полях, в особенности, если ты пользуешься Иерусалимской Библией; это очень помогает. Расширяй смысл прочитанного, дополняй его, сопоставляй с другими местами, связанными с текстом на

этот день, ибо Слово толкует само себя, — это великий принцип раввинов и Отцов в молитвенном чтении Писания.

Пусть чтение станет слушанием, а слушание — послушанием. Не торопись: чтению нужно предаваться, ибо оно совершается для слушания. Слово должно быть услышано! В начале было Слово, а не Книга, как в исламе. Говорит Бог, а чтение — только средство услышать. «Слушай, Израиль!» — вот вечный призыв Бога, который должен прозвучать к тебе из текста.

7. Медитируй...

Что означает медитировать? Объяснить это нелегко. Разумеется, прежде всего это глубокое проникновение в смысл прочитанного, который Богу угодно тебе сообщить. Тут требуется определенное усилие, труд, поскольку чтение должно стать внимательным и глубоким размышлением. Конечно, в былые времена, когда Писание заучивалось наизусть, христианину помогало при размышлении то, что он мог с удивительной легкостью повторять в душе услышанное или прочитанное Слово. Однако и сегодня ты должен предаваться размышлению сообразно своему уровню культуры, своим способностям и интеллектуальным средствам, которыми ты располагаешь.

Разумеется, правило: «Не учение, но елеосвящение, не умственное знание, но сердечное сознание, не книжное усердие, но милосердие» остается в силе; однако недопустимо и беспорядочное, случайное слушание, лишенное той дисциплины, которой требует всякая серьезная работа, и не прибегающее к вспомогательным средствам, способствующим постижению. Если можешь, пользуйся комментариями Отцов Церкви к разным книгам Писания, научными изданиями Библии, «Симфонией», чтобы толковать Библию с помощью самой Библии, экзегетическими трудами или духовными толкованиями. Однако надо всегда иметь в виду, что многие сочинения, которые притязают на духовность и **серьезность**, часто содержат в себе лишь личные мнения или экстатические бредни и не следуют Божественному тексту и Преданию; особенно же остерегайся тех комментариев, которые называют себя «новым подходом к Слову», но в которых Слово порабощается; духовные комментарии в литургических сборниках на праздники и на будни также должны быть тщательно отобраны, так как многие из них пересказывают непродуманные суждения, искусственно притянутые, имеющие мало отношения к текстам и наполненные скорее словами того, кто их написал, чем Словом Божиим.

«Слушание — это не пассивное приятие данного текста, но и усилие христианина все глубже проникать в неиссякаемый смысл божественного Слова, в зависимости от его собственной степени совершенства и меры усердия», — говорил Ориген.

Все эти экзегетические, святоотеческие, духовные подспорья без сомнения полезны для медитации и для более глубокого понимания текста, однако важнейшее в молитвенном чтении — это личное, хотя и не одиночное усилие; оно непременно будет более плодотворным, если тот, кто его совершает, имеет опыт общинной, братской жизни или жизни в приходской малой группе; тут — истинное место для ученичества у Слова, где Слово не просто вместе читают, но вместе испытывают и переживают.

Подобное личное усилие должно быть направлено на поиски духовного средоточия текста: не самой броской фразы, но важнейшего сообщения, того, что теснее всего связано с событием смерти и Воскресения Господня. Старайся извлекать духовный смысл из преемственности и единства экзегезы, святоотеческих сочинений и чтения Библии с помощью Библии и ищи то, что говорит тебе Господь.

Не помышляй найти то, что тебе уже известно: это гордыня! А также то, что тебе в твоих обстоятельствах было бы приятно найти: это торжество субъективного начала! Текст не всегда поддается пониманию целиком и сразу! Иной раз имей смирение признать, что понял мало или вовсе ничего: поймешь позднее. Это тоже послушание, и если тебе еще нужно молоко, то ты, конечно, не можешь питаться твердой пищей (ср. 1 Кор 3:2 и Евр 5:12).

Теперь, когда ты достиг определенного уровня понимания, слагай слова в своем сердце («перемалывание» Отцов Церкви), а затем применяй их к себе, к своим обстоятельствам, не теряясь в психологизме и интроспекции и не копаясь в собственной совести. С тобой говорит Бог: гляди на Него, а не на самого себя. Не впадай в уныние при тщательном анализе собственных ограниченных возможностей и собственных недостатков перед лицом божественных требований, которые Слово тебе открыло.

Разумеется, Слово — это также и суд, оно читает в твоём сердце, показывает тебе твои грехи; но помни, что Бог больше сердца твоего (ср. 1 Ин 3:20) и что если Он уязвляет твоё сердце, то всегда в правде и милосердии.

Следует скорее удивляться Ему, Который говорит с твоим сердцем, и той пище, более или менее обильной, но неизменно спасительной, которую Он тебе предлагает, изумляться тому, что Слово

положено в сердце твое и тебе не надо ни всходить на небо, ни ходить за море, чтобы узнать его (ср. Втор 30:11-14). Следуй за Словом, которое открывает тебе в образ Сына Божия, а ты и не знаешь, как. Слово, которое ты воспринял, — это для тебя жизнь, радость, мир, спасение! Бог говорит с тобой, и ты должен слушать Его, дивясь, подобно евреям в дни Исхода, которые видели, как Он творит чудеса, подобно Марии, поющей: «Сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его» (Лк 1:49). Бог открывается тебе; восприми Его неизреченное Имя, Его лик Любящего: войди в пространство веры! Бог наставляет тебя: подражай своей жизнью жизни Сына. Бог дарит, отдает Себя тебе в Своем Слове: прими Его, как дитя, и войди в общение с Ним. Бог лобзает тебя святым целованием: это брак возлюбленного с Любящим; так празднуй же в сердце своем любовь Того, Кто сильнее, чем смерть, чем ад, чем твои грехи. Бог порождает тебя, как Логос, как Слово, как Сына: согласишься быть рожденным, чтобы самому стать Сыном Божиим. Медитация, перемалывание должны подвести тебя к тому, чтобы стать Обителем Отца, Сына, Святого Духа!

Твое сердце — место совершения литургии; и вся твоя личность — это храм, естество богочеловеческое.

8. Молись...

А теперь говори с Богом, отвечай Ему, отвечай на Его приглашения, призывы, внушения, требования, на ту весть, которая открылась тебе в Слове, понятом через Духа Святого. Или ты не видишь, что принят в троичный круг, в неизреченную беседу между Отцом, Сыном и Духом? Не замыкайся отныне в размышлении, но вступай в диалог и говори, как друг говорит с другом своим (ср. Втор 34:10). Не ищи больше, как согласовать с Его помыслами свои, но ищи Его Самого. Целью медитации была молитва. И вот ты ее достиг! Но не занимайся мелочной духовной болтовней; говори с Ним прямо, доверительно и без страха, избегая бросать взгляд на самого себя, но поглощенный Его ликом, явившимся из текста в Господе нашем Христе. Высвободи свои творческие возможности восприятия, сочувствия, воображения и **поставь** их на службу Господу. Я не могу дать тебе многочисленных советов, ибо тут каждый переживает и испытывает свою встречу с Богом, и ее нельзя ни навязать другим, ни описать саму по себе. Что можно сказать о пламени, когда ты внутри него? Что можно сказать о молитве-созерцании в конце молитвенного чтения, кроме того, что это — Неопалимая Купина, которая горит, не сгорая, и воспламе-

няет сердце в груди верующего, заставляя его гореть любовью к Господу?

Молитвенное чтение как неизреченное искусство переживать Божественное присутствие стремится привести тебя туда, где ты как возлюбленный созерцаешь, повторяешь слова Любящего в радости, в изумлении, в забвении самого себя. Не думай, что этот путь всегда будет легким, прямым, проходимым до конца. Трепет и страстная любовь, благодарность и духовная сухость, энтузиазм и телесное истощение, слово говорящее и слово немое, твое молчание и молчание Бога присутствуют и переплетаются в твоей молитве Слову день за днем.

Важно быть верным этой встрече: рано или поздно Слово пробьется к нашему сердцу, преодолевая все препятствия к нему, те, что всегда встают на пути веры и молитвы. Только тот, кто прилежен в общении со Словом, знает, что Бог не изменяет, что Он непременно даст найти Себя и будет говорить в сердце, знает, что бывают дни, когда Слово Господне редко (1 Цар 3:1), но за ними следует откровение Слова; знает, что такие тяжкие дни беспокойства, духовного бесплодия — это благодать, напоминающая о том, сколь далеки мы еще от полного познания Бога.

Возблагодари Бога за дарованное Слово, за тех, кто тебе его возвещает и толкует, моли Его за всех братьев, которых текст показал тебе в их добродетелях и в их слабостях, старайся соединить хлеб Слова с хлебом Евхаристии.

Храни то, что ты увидел, услышал, вкусил в чтении, храни это в сердце и не забывай, держи в памяти и иди в общество людей, будь среди них и смиренно отдавай им тот мир, то благословение, которые ты получил. Имей также силы действовать с ними вместе, чтобы исполнять в истории Слово Божие всем своим поведением — социальным, политическим, профессиональным...

Бог нуждается в тебе как в мирском орудии, чтобы сотворить новое небо и новую землю. Тебя ждет иной день, тот день, когда ты, увидев Бога лицом к лицу в смерти, покажешь, стал ли ты живой буквой, начертанной Христом, молитвенным чтением для твоих братьев, истинным сыном Божиим.

Твой Энцо

II. Письмо Гвиги II Картезианца* к другу его Гervasию о созерцательной жизни

1. Обращение и приветствие

Брат Гвиги возлюбленному брату своему Гervasию: радуйся о Господе.

Мы в долгу любви перед тобой, брат, ибо ты первым полюбил меня; и мы обязаны тебе отвечать, ибо своим посланием ты первым из всех побудил меня писать. Итак — я возымел намерение сообщить тебе кое-какие пришедшие мне на ум мысли о духовном труде монахов. Это то, что ты лучше знаешь по опыту, чем я мог узнать из умозрительных занятий: суди же и поправляй эти мои рассуждения. По справедливости предлагаю я тебе первинки моих трудов, так что ты сможешь сорвать первые плоды того юного саженца, каким я являюсь: ты вырвал меня, совершив похвальную кражу, из фараонова рабства и из занятий в одиночку разными утонченными размышлениями, дабы поместить меня в строй тех, кто идет на битву, мудро привив к благородной оливе ветку, искусно срезанную с дикой маслины.

2. Четыре ступени духовной лестницы

Однажды, занимаясь ручной работой, я стал размышлять о духовных трудах человека. И тогда моему внутреннему зору внезапно явились четыре духовные ступени: они суть чтение, медитация, молитва и созерцание. Это лестница, с помощью которой монахи поднимаются с земли на небо. Лестница эта, хотя и с малым числом ступеней, но высоты неизмеримой, несказанной. Нижний ее край упирается в землю, вершина же осязает тайны неба. Что до ступеней,TM как различны они между собой названием по порядку,

Гвиги II — один из первых картезианцев, тех безвестных, суровых *MONACHI*, которые жили в тени и молчании, погруженные в медитацию о «последней» *PIE* и ведения о его жизни крайне скудны — несомненно, по причинам, обусловившим сдержанно! *g* источников; среди этих причин — стремление молчать о самих себе, *CBORI* гвенное духовному складу картезианцев. Мы знаем о нем только то, что *и 1111* он уже занимал важную должность, а в том же или в следующем году был избран девятым настоятелем монастыря Гранд Шартрез. Позднее он сложил с *се* эту обязанность. И умер в 1183 г. От него остались несколько «Медитаций» в форме молитвен!... чтения, «Комментарий на Песнь Богородицы» и «Лестница монахов», сочинение, посвященное его другу Гervasию, с которым Гвиги одно время *ЖИП* и *ПЕН* дружил, в затем они по необходимости расстались. Недавно эти сочинения *омни* переведены *и* итальянский язык под редакцией Е. Арборио Мелла и изданы в *ОДМ* *PUMB* *Iulgo* 11 *Certosino*, *Tomero* *.1 mio cuore*, Bose, 1987, откуда и *nun* (*IMli* одари *iiio* *Oeinociii* издательства *Qidajon*) итальянский текст «Лестницы» (Прим. авт.). — *Этот никет* послужил основой для данного издания (Прим. ред.).

так отличаются друг от друга и последовательностью и важностью; и тому, кто пожелает внимательно исследовать их свойства и способ действия, и влияние каждой из них на нас, и разницу между ними, и правила подчинения, — тому все покажется кратким и легким, каких бы трудов и прилежания ни потребовало от него такое занятие: столь велики его полезность и сладость. Итак, чтение есть тщательное исследование Писания, совершаемое усердием духа. Медитация есть работа души, стремящейся извлекать на свет самую потаенную истину водительством собственного разума. Молитва есть любовное усилие сердца в Боге, с целью изгнать из себя зло и следовать добру. Созерцание подобно вознесению над самой собою подвешенной к Богу души, которая вкушает радости вечно-го блаженства.

Таким образом четыре ступени описаны; остается рассмотреть их воздействие на нас.

3. Назначение вышесказанных ступеней

Чтение ищет сладость блаженной жизни, медитация ее находит, молитва ее красит, созерцание ею наслаждается. Можно сказать, что чтение подносит ко рту твердую пищу, медитация ее жует и перемалывает, молитва ощущает ее вкус, созерцание — это сама сладость, которая дарит радость и восстанавливает силы. Чтение остается на поверхности, медитация проникает в сердцевину, молитва стремится к просьбе, порожденной желанием, созерцание покоится в наслаждении обретенной сладостью. Чтобы это можно было понять яснее, возьмем один пример из множества.

4. Назначение чтения

Я слышу при чтении такие слова: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Это речение краткое, но исполненное различных сладчайших смыслов, питающих душу. Оно предложено нам, как виноградная гроздь; душа внимательно разглядывает ее, а потом говорит про себя: «Здесь может быть нечто доброе; обращусь в сердце свое и посмотрю, в состоянии ли я понять эту чистоту и найти ее для себя: это вещь драгоценная и желанная, коль скоро владевшие ею зовутся блаженными, коль скоро им обещано, что они узрят Бога, Который есть жизнь вечная, коль скоро она восхваляется многими свидетельствами Священного Писания». И так, желая объяснить себе все до конца, душа начинает жевать и перемалывать эту гроздь, кладет ее в давящую, одним словом, побуждает

разум допытываться, что это такое и как можно стяжать эту столь драгоценную чистоту.

5. Назначение медитации

Так начинается прилежная медитация, которая не останавливается на внешнем, не задерживается на поверхности, но стремится свой путь к вышине, проникает вглубь, исследует всякую мелкую подробность. Тщательно поразмысли о том, что не сказано: «Блаженны чистые телом», но «чистые сердцем». И вправду, недостаточно иметь руки, неповинные в злодействе, если душа не очищена от дурных помыслов; это подтверждается и авторитетом пророка, сказавшего: «Кто взойдет на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто». Затем подумай немного о том, как тот же самый пророк желает этой чистоты сердца, когда молится так: «Сотвори мне, Боже, сердце чистое», и еще: «Если бы я видел беззаконие в сердце моем, то не услышал бы меня Господь». Подумай о том, как заботился праведный Иов сберечь сердце свое, если он мог сказать: «Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице». Как властвовал над собою этот святой человек, если он закрывал глаза, дабы не замечать недолжным образом того, что впоследствии могло бы стать невольным желанием?

После остановки на подобных вещах и других того же рода, касающихся чистоты сердца, медитация начинает размышлять о награде, о том, какая это должна быть слава и радость — узреть желанный лик Божий, Лик более прекрасный, чем когда Он был среди сынов человеческих, более не презираемый и не **ОТВрп** аемый, не в том облике, какой Он получил от Матери Своей, **но** облаченный в ризы бессмертия, в венце, который возложил на **І** [**его** < **Иге** в день воскресения и славы, в день, сотворенный Господом **І** [**одумай**, что всем лицезрению заключена та полнота удовлетворения, о коей говорит пророк, что душа его насытится, когда Он явится в славе Своей. Видишь, сколько молодого вина натекает **ІЗ** крошечной грозди, какой огонь разгорается из одной искорки" Такой малый брусочек, «Блаженны чистые сердцем, ибо они **ііоі а у** [**ря і**», расплющенный на наковальне медитации и стал столь **обширен!**

А сколь могли бы мы еще распространиться вширь, если бы послушали того, кто имеет опыт в этом? Ибо чувствую, что колодезь глубок и что я, неопытный новичок, едва сумел зачерпнуть несколько капель. Душа, зажженная этими лучами, побуждаемая этими желаниями, отныне, распечатав алебастровый сосуд, начинает

предчувствовать, еще не по вкусу, но словно бы по аромату, всю сладость елея; и из этого заключает, сколь сладостен был бы опыт той чистоты, одна лишь медитация о коей есть, как она видит, источник столь великой радости.

Но как быть? Она пылает желанием стяжать такую чистоту, но не видит в самой себе, как этого добиться; и чем больше она об этом думает, тем сильнее этого жаждет. Глубже становится медитация — и глубже страдания, ибо она не вкушает той сладости, про которую медитация доказала ей, что она обретается в чистоте сердца, но которую так ей и не дала. Ведь вкусить эту сладость не дано ни тому, кто предается чтению, ни тому, кто предается медитации, если она не дарована свыше. Чтение и медитация могут быть как благом, так и злом, и даже языческие философы, ведомые собственным разумом, умели находить, в чем состоит суть истинного блага. Но затем, хотя и познавши Бога, они не воздавали Ему славы как Богу, и, составив слишком высокое мнение о собственных силах, говорили: «языком нашим пересилим, уста наши с нами», и не заслужили подлинного постижения того, что им, однако же, удалось заметить. Рассуждения их — бредни, и опытность их — суета, ибо добыта она в изучении наук человеческих, а не в Духе мудрости. А между тем Он один дает истинную мудрость, иначе говоря, то сладостное знание, которое, подобно кушанью несравненного вкуса, веселит ту душу, в которую проникает; это та мудрость, о коей сказано: «В лукавую душу не войдет премудрость». Она исходит только от Бога: и как Господь дает многим власть крестить, но оставляет за Собой власть и право отпускать грехи при крещении, отчего один только Иоанн между всеми прочими мог сказать о себе: «Я — тот, кто крестит», — так же и мы можем сказать о Нем: «Он — Тот, Кто придает сладость познанию и делает науку сладостной для души». Слово дано всем, внутреннее же познание — немногим, ибо распределяет его Господь и дает тому, кому хочет, и тогда, когда хочет.

6. Назначение молитвы

Итак, душа видит, что своими силами не может стяжать сладости познания и опыта, предмета своих желаний. Она видит также, что чем больше возносится в сердце своем, тем больше Бог удаляется от нее. Тогда она смиряется и ищет убежища в молитве. Вот как она говорит: «Господи, Ты, Кто даешь узреть Себя только чистым сердцам, я силюсь посредством чтения и медитации понять, что это такое и как можно стяжать истинную чистоту сердца, так

чтобы явилась мне через нее хоть малая толика постижения Тебя. Я искала Твой лик, Господи, Твой лик я искала; я долго размышляла в сердце своем, и в медитации разгоралось великое пламя и безмерное желание познать Тебя глубже. Ты преломляешь для меня хлеб Священного Писания, и, преломляя этот хлеб, Ты даешь мне познать Тебя. И тогда случается то, что чем больше я Тебя познаю, тем сильнее желаю познать Тебя, не только на поверхности буквы, но в чувственном восприятии опыта. Молю об этом не ради заслуг моих, Господи, но ради милосердия Твоего. Каюсь, я — душа недостойная и грешная; но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Дай же мне залог будущего наследия. Господи, пошли мне хоть каплю небесного дождя, чтобы утолить мою жажду, ибо я сгораю любовью».

7. Действия созерцания

Такими и другими подобными жаркими словами душа разжигает желание; так она показывает силу своего зова и чарами своих песен привлекает к себе Супруга. Господь, Чьи глаза — праведники Его и Чьи уши не только внимают их молитвам, но **пребывают** в их молитвах, не ждет окончания этих речей: Он прерывает спокойное течение молитвы и врывается в нее, спешит навстречу пылающей желанием душе, весь покрытый той росой, которая и есть небесная сладость, источающий аромат тончайших благовоний. Он спешит подкрепить душу истомленную, возродить душу изголодавшуюся, напоить душу иссушенную; Он спешит заставить ее забыть о земном, чудесно оживляя ее через умерщвление в забвении самой себя и возвращая ей трезвость через опьянение. Бынает так, что в иных плотских деяниях душа покоряется плотской страсти настолько, что вовсе перестает пользоваться разумом, и через это человек становится как бы без остатка плотским; вот таким же образом, но в противоположном направлении, в подобном возвышенном созерцании плотские побуждения уходят из души, побежденные и укрощенные настолько, что плоть более ни в чем не против! и речит духу, и через это человек становится как бы без остатка духовным.

8. Знаки нисхождения благодати

Но как мы можем распознать, Господь, когда Ты это творишь и каково знамение Твоего пришествия? Быть может, вестники и свидетели этого утешения, этой радости, — вздохи и слезы? Гели это так, то тут весьма любопытное противоречие в терминах, и ша-

чение его удивительно. Как можно сочетать утешение со вздохами, радость со слезами? Но может быть, неточно говорить о слезах: это скорее неудержимое переполнение изнутри росой, пролившейся свыше словно бы в знак внутреннего омовения и для очищения внешнего человека. В крещении младенцев внешним омовением представляется и означает омовение внутреннего человека; а здесь таким же образом, но в противоположном направлении, из омовения внутреннего должно проистекать очищение внешнее.

Воистину податели жизни — эти слезы, коими смываются внутренние пятна, коими гасятся пожары грехов! Блаженны вы, так плачущие, ибо будете смеяться. В этих слезах, о душа, узнай Супруга своего, обними предмет своих желаний, упейся потоком наслаждений, соси мед и молоко из груди утешения. Вот чудесные маленькие подарки и знаки ободрения, которые твой Супруг тебе приносит и вручает: стенания и слезы. Он предлагает тебе в изобилии напиток из слез: эти слезы станут твоим хлебом денно и нощно, хлебом, подкрепляющим сердце человеческое, хлебом слаще меда и капель сота. Господи Иисусе, если столь сладостны слезы, вызванные воспоминанием о Тебе и желанием Тебя, сколь сладостна должна быть радость, обретенная в ясном лицезрении Тебя? Если столь сладостно плакать из-за Тебя, сколь сладостно должно быть радоваться Тебе?

Но для чего мы разглашаем перед всеми эти столь потаенные беседы? Для чего пытаемся выразить обычными словами неизреченные порывы? Это слишком великие вещи, коих не может понять тот, кто их не испытал: он прочтет их яснее в книге опыта, где само елеосвящение будет его наставлять. Иначе внешние письма не принесут никакой пользы читающему: чтение внешних писем окажется пустым занятием, если не прибавится к нему толкование, которое откроет сокровенный смысл, идущий из сердца.

9. Как скрывается благодать

Душа моя, мы слишком долго вели эти речи. Нам хорошо было оставаться здесь и созерцать вместе с Петром и Иоанном славу Супруга и пребывать с Ним долго, если бы Он пожелал сделать не две, не три кущи, но одну, в которой мы бы жили вместе и вместе радовались. Но вот Супруг, напротив, говорит: «Отпусти меня, ибо возшла заря, ты уже получила свет благодати и посещение, которого желала». И потом, давши благословение, повредив состав бедра и помештвши имя Иакова на Израиля, уходит на некое время Супруг, долгожданный и быстро скрывшийся. Он удаляется, если по-

дразнеть то посещение, о коем здесь сказано, и сладость созерцания; но остается с нами, если подразумевать Его волю направлять нас, и благодать, и Его союз с нами.

10. Как благодать, скрываясь от нас на некое время, способствует нашему благу

Не страшись, о супруга, не отчаивайся, не полагай себя презренной, если Супруг на некое время скрывает от тебя лик Свой. Все это споспешествует твоему благу: ты извлечешь прибыль и из Его близости, и из Его отдаления. Для тебя Он приходит, для тебя удаляется. Он приходит тебя утешить и удаляется тебя защищать, дабы ты не возгордилась от великого утешения, не стала презирать своих подруг оттого, что Супруг всегда с тобой, и не дошла бы до того, чтобы приписывать это утешение своей **природе**, а не благодати. А оно есть благодать, которую Супруг посылает когда хочет **и** кому хочет, которая не дается в обладание по праву наследства. Народное присловье говорит, что чем чаще **ВИДИШЬ**, **ТыМ** больше презираешь: так **и** Супруг удаляется, чтобы Им не пренебрегали по причине Его длительного присутствия, но жарче желали **ПО причине** Его отсутствия. Он знает, что если Его буду **и** желть, **т** н конце концов найдут, и тем больше будут за это вознот **и**. благодарения.

Более того: если бы никогда не иссякало это утешение, слабое и несовершенное в сравнении с той будущей славой, которая должна в нас открыться, то мы могли бы счесть, **ЧТО** имеем на земле град нетленный, и менее ревностно искали бы град будущий. И как, дабы мы не принимали землю изгнания за отечес **ГВО, зада** гок — за конечную награду, Супруг то приходит, то удаляется и я **и** о предлагает утешение, то превращает восторг в немощь **И** In какое го время Он позволяет ощутить, сколь Он прекрасен, по прежде, чем мы распробуем до конца, удаляется; Он раскрывает крыла, паря над нами, чтобы побудить и нас летать в свой черед и **И ПОЕЮ** говорит: «Вы мало отведали, сколь Я благ, сколь сладостен Вели **котите наслаждаться** досыта моей сладостью, спешите **за мной а** **воскурениях** моих благовоний, горе имейте сердца: ибо Я пребываю там, одесную Бога Отца, там Меня узрите, не смутно, **как** в **юркале**, но лицом к Лицу. Тогда сердце ваше исполнится веселья, и **никто не** сможет отнять вашей радости».

11. Сколь осмотрительно душа должна вести себя после посещения благодати Господней

Но следи за собой, о супруга: когда Супруг отсутствует, Он уходит недалеко, и если ты Его не видишь, то Он всегда видит тебя. У него множество очей и спереди, и сзади, так что ты не можешь укрыться от Его взгляда. Он окружил тебя Своими ангелами, словно посланцами, поручив им внимательно наблюдать и сообщать, как ты ведешь себя в отсутствие Супруга, обвинять тебя перед Его лицом, если они заметят в тебе некие знаки усталости и охлаждения. Супруг твой ревнив: если только в тебе зародится другая любовь, если ты будешь стараться понравиться другому больше, чем Ему, — Он тотчас же покинет тебя и сочетается с другими юницами. Супруг твой взыскателен, знатен и богат, Он прекрасней всех среди сынов человеческих: Себе в супруги Он не пожелает никого, кроме прекраснейшей. Если заметит на тебе пятнышко или морщинку — тут же отвратит очи Свои, ибо не может выносить никакой скверны. Будь же беспорочна, будь стыдлива и смиренна: только так ты сможешь заслужить, чтобы Супруг навещал тебя часто.

Быть может, я слишком долго занимал твое внимание, брат мой. К тому меня побудили эти рассуждения, плодотворные и сладостные; если я на них задержался, то не по своему желанию, а потому что был против своей воли заворочен подобной сладостностью.

12. Краткое изложение сути сказанного

А теперь еще раз остановимся вкратце на всем сказанном: соберем в одном месте то, что было изложено более пространно, и все станет яснее. По замечаниям, основанным на приведенных мною примерах, ты можешь увидеть, сколь тесно соединены между собой помянутые ступени и как каждая из них предшествует другой во времени, либо в причинной связи. Сначала, словно основа, идет чтение, которое поставляет нам предмет размышлений и ведет к медитации. Медитация рассматривает глубже то, что надлежит исследовать, извлекает из толщи сокровище и показывает его нам; но поскольку сама она не в состоянии его хранить, то ведет нас к молитве. Молитва, изо всех сил стремясь ввысь к Богу, добивается желанного сокровища, которое есть сладость созерцания, а уж оно своим приходом вознаграждает нас за все труды трех первых ступеней, утоляя жажду души росой небесной сладости. Чтение — это упражнение, относящееся к миру внешнему, медитация — постижение, относящееся к миру внутреннему, молитва отно-

сится к желанию, созерцание превосходит всякую способность понимания. На первой ступени стоят те, кто отправляется в дорогу, на второй — те, что уже немного продвинулись, на третьей — те, кто больше себе не принадлежит, на четвертой — те, кто стяжал мир.

13. Как разные ступени связаны между собой

Ступени, о которых мы ведем речь, крепко связаны между собой и взаимно друг другу споспешествуют: в ступенях предшествующих мало или вовсе нет проку без последующих, а последующие мало или вовсе ничего не могут добиться без предшествующих. И правда, что проку занимать свое время непрерывным чтением, перелистыванием житий и сочинений СВЯТЫХ, если путем размазывания и пережевывания мы не извлекаем из них сок и не даем ему проникнуть в глубину нашего сердца? Только в таком случае мы будем в состоянии усердно поразмысли¹ о своей жизни и стараться жить, как они: мы поистине с великим состраданием читаем и перечитываем рассказы об их подвигах, Л с другой стороны, как мы будем размышлять о таких вещах, как < молим < цедить затем, чтобы не заноситься ложными и пустыми ПОМИЛ-нами дальше пределов, очерченных святыми Отцами, ес... ие сначала пому не научит чтение или слушание? Да ведь и слушание имеет какое-то отношение к чтению: потому мы и говорим, ЧТО ЧИТАЛИ ЭТО, не только о тех книгах, которые прочли сами или КОТОРЫЕ попросили других нам прочесть, но и о тех, изложение которых мы слышали от наших учителей.

И точно так же — какой прок человек \ помпы поме>щью медитации, что он должен делать, если он не оhrеісі . помощью молитвы и по благодати Божией сил для того чтобы то m попить? Ибо всякое благое даяние и всякий дар совершенный приходя г свыше и посылаю гя Отцом света, без Которого мы ничего не можем делать: это Он исполняет! и на< дела* сом сотя раз не без нашего участия. I юне гипс мы сорабошикп \ I «и а. как ш ворит апостол; Бог желает, чтобы мы молили< ь I М) чтобы, когда благодать приходи г и стучится в цверь, мы впускали бы et и поіа енные уголки нашей м.нц и соі лашали(ь бы I Квй

Подобное согласие — это то, чего требовал I оі подьол оама рынки, когда говорил СИ «Iююип мужа твоегои В каком гоомысе ле Он говорил ей: «Я желаю вдохнул, в гебн бдшодить, g иы приве ди в действие свою свободную волю- < >п требовал m псе молич вы: «Если бы ты знала дар Божий и К га говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы воды y l lei o, и (>п дни бы rede воду жп

вую». Услышавши это из подобия чтения, сотворенного для нее Господом, женщина восприняла поучение и подумала в сердце своем, что для нее было бы хорошо и полезно испить такой воды. И тогда, сгорая желанием возыметь ее, она обратилась к молитве, говоря: «Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды». Вот так слушание слова Господня и последующая медитация над ним побудили ее к молитве. Что могло бы подвигнуть ее молиться, если бы сначала ее не воспламенила медитация, если бы за нею не последовала молитва, просящая о том, что ей явилось как предмет ее желания? Дабы медитация была плодотворна, нужно, чтобы за нею следовала жаркая молитва; а сладость созерцания будет, так сказать, ее плодом.

14. Заключение предшествующего

Из всего этого мы можем сделать вывод, что чтение без медитации тщетно, медитация без чтения подвержена заблуждениям, молитва без медитации холодна, медитация без молитвы бесплодна. Молитва, творимая с пылкостью, приводит к созерцанию, тогда как дар созерцания без молитвы — вещь редкая и удивительная. Господь, Чья мощь беспредельна и Чье милосердие простирается превыше всех Его созданий, время от времени извлекает на свет из камней сынов Авраамовых, принуждая их, если они жестоковыйны и непослушны, покориться в приятии: щедрым подарком и быка уломаешь, как говорит пословица, и так всякий раз, когда Он приходит незванным и изливает благодать непрошенную. Насколько мы можем судить по книгам, это порой случалось с иными людьми, к примеру с апостолом Павлом и кое с кем еще. **Но** мы не должны по этой причине ожидать подобных даров и для себя, тем искушая Бога; напротив, нам следует делать то, что от нас требуется, читать Божественный завет и размышлять над ним, **молить** Бога, чтобы Он пришел нам на помощь в нашей слабости и увидел то, что в нас несовершенно. Он Сам учит нас так поступать, **КОГДА** говорит: «Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам». Поистине, на земле Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

Теперь, установив различия между ступенями, мы **можем** так же прояснить свойства каждой и понять, каковы связи между ними и их воздействие на нас. Блажен человек, чей дух, свободный от всяких иных помыслов, стремится неизменно оставаться на этих четырех ступенях; кто, продав все свое имение, покупает поле, на котором зарыто желанное сокровище — замерен, и • озерцать,

сколь благ Господь; кто, будучи деятелен на первой ступени, неминуемо наблюдателен на второй, ревностен на третьей, вознесен над самим собой на четвертой, благодаря восхождению, совершаемым в сердце его, поднимается от дара к дару и наконец зрит Бога богов в Сионе. Блажен тот, кому дано, пусть лишь на краткое время, оставаться на этой самой высокой ступени, и кто поистине может сказать: «Вот, я чувствую благодать Божию, вместе с Петром и Иоанном созерцаю славу Его на горе, с Иаковом веселюсь в объятиях прекрасной Рахили».

Но пусть он внимательно следит за собой: да не случится с ним так, что после созерцания, вознесшего его к небесам, он скатится в беспорядочном падении в бездну, что после того, как посетит его столь великая благодать, он обратится к мирскому рассеянию и прелести шипи. Лучше бы ему, коль скоро вея острота ума человеческого в слабости своей не сможет более вместить сияния истинного света, постараться осторожно и по порядку спуститься на одну из трех ступеней, по которым он поднимался. Пусть он время от времени задерживается то на одной, **то на** другой, согласно колебаниям **em eohi** 1 венной внутренней свободы и с умом места и времени; **hoia. как мне** кажется, он будет тем ближе к Богу, чем дальше от первой ступени.

Но увы, сколь непрочен и жалок удел человеческий! Вот мы, ведомые разумом и свидетельствами Священного Писания, ясно увидели, что полнота блаженной жизни достигается на этих четырех ступенях и **что** па них должны быть направлены все труды человека духовною. **По кто** поистине придерживается этой тропы жизни? Кто этот человек? Мы объявили бы его блаженным. Многие питают **такое** желание, но немногие в состоянии его осуществить. Да сможем мы пойти **в** число этих немногих!

15. Четыре' **Dr...**шы, **совлекающие нас с этих ступеней**

Существуют в общем четыре обстоятельства, которые могут столкнуть **нас с ЭПЖ** ступеней: неизбежная нужда, полезность некоего доброго **дела**, слабость самого человека, мирская суета. Первая извинительна, вторая терпима, третья достойна сострадания, четвертая предосудительна. Она поистине предосудительна: тому, кто в поведении своем совращается подобными обстоятельствами, лучше бы вовсе **не** знать благодати Божией, чем сворачивать назад, **ее** познав. И вправду, какое может быть извинение для такого **греха**? Господь вправе будет сказать тому человеку: «Что еще Я должен был сделать, чего не сделал? Ты не существовал еще, а Я тебя

создал; ты грешил, ставши рабом дьявола, а Я искупил тебя; ты поступал заодно с нечестивыми, а Я избрал тебя; Я дал тебе благоволение в очах Моих и пожелал обитать близ тебя. Но ты Меня презрел, и не только словами Моими, но и Мною Самим ты пренебрег, чтобы вернуться к страстям своим».

Боже всеблагой, сладчайший и кроткий, добрый Друг, прозорливый Советчик, сколь извращен и безрассуден тот, кто отвергает Тебя, Кто изгоняет из сердца своего Гостя столь смиренного и приветливого! Какое несчастье и пагубное заблуждение — отвергнуть своего Создателя и принять взамен дурные помыслы, рожденные нам на погибель; и в один миг покинуть брачное ложе Духа Святого, тот потаенный уголок сердца, где только что вкушал небесные радости, — ради грязных помыслов, ради визга в свинарнике! Еще теплятся в сердце следы Супруга — а мы уже питаем прелюбодейные желания. Не подобает, не может того случиться, чтобы уши, только что слышавшие слова, которые никому не дано произносить, с такой поспешностью соглашались выслушивать небылицы и сплетни; чтобы глаза, которые еще недавно омывались святыми слезами, вдруг начинали разглядывать всякие пустяки; чтобы уста, только что певшие сладостную брачную песнь, словами жаркими и убедительными примирявшие супругу с Супругом и вводившие Его в виноградник, снова обращались к речам низменным и пустым, насылали обман и клевету. Храни нас от этого, Господи. Если же все-таки по слабости человеческой нам случится согрешить, не будем впадать в отчаяние, но снова воззовем к милосердному Врачу, Который поднимает нищего из праха и из грязи извлекает бедняка: и Он, Который не желает смерти грешника, снова нас исцелит и перевяжет.

А теперь настало время заканчивать это письмо. Будем все молить Господа, да умалит Он ныне препятствия, что мешают нам созерцать Его, а в будущем и вовсе нас от них избавит; да ведет Он нас по этим ступеням от высоты к высоте, так чтобы в конце пути мы узрели Бога богов в Сионе. Там избранные будут вкушать сладость божественного созерцания не малыми каплями и с перерывами, но напротив, будут вечно обладать в потоке наслаждения той радостью, которой никто не сможет у них отобрать, и неизменным покоем, покоем в Нем. Ты же, брат мой Гервасий, если увидишь однажды, что тебе дано свыше подняться на вершину этой лестницы, помяни меня, и молись обо мне, когда будешь в счастье: монах да приведет за собою другого монаха, и кто услышит, да повторит: «Приди!».